

Сыщик и канарейка

Автор:

Алиса Дорн

Сыщик и канарейка

Алиса Дорн

Другие Миры (АСТ)

У всего есть две стороны. У города. У дара. У человека. Тихий провинциальный Гетценбург преобразается под покровом ночи. Дар становится самым страшным проклятием. А люди...

Блестящий хирург. Детектив полиции. Взбалмошная аристократка.

У каждого из них свои секреты. И своя темная сторона.

Алиса Дорн

Сыщик и канарейка

© А. Дорн, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Тихие воды

Глава 1

Доктор

Чтобы получить представление о семье, достаточно посмотреть, кто приходит к ним на обед. В доме моего отца огромный, способный уместить сорок едоков стол накрывался на три персоны – и только гулкое эхо разносилось под каменными сводами Эльмсбери-холла. У Эйзенхартов разговоры никогда не умолкали. В особняке на набережной бывали гости самых различных профессий и сословий: подруги их дочери и бывшие однокурсники зятя, подчиненные сэра Эйзенхарта, с которыми он проводил совещания во время званных вечеров, приехавшие с визитом родственники, дамы из благотворительного общества, совершенные незнакомцы, которых притаскивал их сын... И, собственно, сам Виктор, вечно опаздывавший к назначенному часу.

– Прости, задержался. Убийство.

Эйзенхарт-младший влетел в обеденную залу, чмокнул мать в щеку и уселся слева от нее, заталкивая салфетку за воротник. Леди Эйзенхарт улыбнулась сыну и укоризненно покачала головой. По мнению супруги начальника городской полиции, убийство не являлось достаточной причиной, чтобы пропустить обед.

– Где Шон? – кратко спросила леди.

– Пришлось оставить Брэма там. Кто-то должен сопровождать тело в морг. Не переживай, – успокоил Виктор мать, пока слуга наливал вино. – Захвачу ему что-нибудь из дома. Голодным ребенок не останется.

«Ребенок», на правах родственника проживавший у Эйзенхартов, был восемнадцатилетним детиной под два метра ростом и с недавних пор – сержантом полиции. Что не мешало леди Эйзенхарт его всячески опекать.

Как, впрочем, и меня.

Стремление окружить заботой всех обездоленных мира сего было в крови у подопечных Мэри-Голубки, покровительницы филантропов и добровольцев.

– Что произошло? – поинтересовался сэр Эйзенхарт.

– Барона Фрейбурга выловили из реки. Мой начальник отправит кого-нибудь к тебе, как только Шон ему доложит. Хотя он может решить, что это и не обязательно. Все равно я тебе расскажу. Алистер, да отдайте, наконец, поднос, я способен положить себе картофель! – Отвоевав у слуги гарнир, Виктор продолжил: – Строго говоря, выловили барона утром. Но это случилось у Кладбища висельников, вне нашей юрисдикции. Пока доставили в местный участок, пока выяснили, кто он... Но труп довольно свежий. Рыбы даже обглодать толком не успели.

Я машинально перевел взгляд на сестру Виктора. Леди Луиза, периодически оглаживавшая большой живот, с любопытством слушала рассказ брата. Не похоже, чтобы ей становилось дурно от подробностей.

– Несчастный случай?

– Точно нет. Увидишь, – ухмыльнулся Виктор, берясь за бокал.

Единственным, кому за столом было не по себе, казался барон Истон, супруг леди Луизы. Мы обменялись понимающими взглядами: два чужака в этой странной семье...

Я познакомился с Эйзенхартами на похоронах родителей. Они погибли внезапно: поместье охватил пожар. Меня спасло, что неделей ранее я вернулся с каникул в интернат.

Стоя у могилы, я не сразу понял, что хотела от меня незнакомая женщина. Отец не разрешал матери поддерживать связь с ее бывшей семьей; я даже не подозревал, что у меня есть тетка. Я тогда подумал, что она одна из многих, кто решил воспользоваться моментом, чтобы попросить об услуге во имя старой дружбы. Но леди Эйзенхарт не стала просить. Вместо этого она обняла меня и пообещала, что больше «бедный мальчик» не останется один.

Добросердечная леди была готова забрать меня к себе, но ее супруг напомнил, что, получив при рождении благословение Змея, патрона врачей и целителей, я имел право на обучение в любом медицинском учебном заведении империи. Я мог отправиться с ними в Гетценбург или поступить в училище для одаренных сирот при Королевской и Императорской военно-медицинской академии. Я выбрал академию.

Долгое время Эйзенхарты оставались для меня именами на поздравительных открытках. После учебы я отправился по распределению в Альсизар. Четвертая колониальная война длилась к тому моменту уже пятый год и постоянно требовала свежей крови. Затем были назначения в Шакрем и Южную Веспасию, и другие... Пока моя карьера не оборвалась. Ранение не позволяло мне больше работать хирургом. Меня отправили на пенсию. В тридцать лет я оказался свободен от службы и дара – и не знал, что с этим делать.

Тогда леди Эйзенхарт снова написала, приглашая посетить их. Прожив несколько месяцев в метрополии и обнаружив, что мне это больше не по карману, я как раз задумывался о переезде и не стал отказываться от ее предложения. А спустя неделю пребывания в гостях наткнулся в «Гетценбургских новостях» на объявление о вакансии ассистента профессора на медицинском факультете с жалованием в тысячу шиллингов в год и бесплатной *gar?onni?re*[1 - Т. н. холостяцкое жилье; квартира-студия, иногда без своей ванной комнаты (фр.).] в университетском кампусе – и решил откликнуться. Из всех доступных мне теперь видов деятельности этот был самым близким к моей прошлой профессии.

– Кстати, Роберт! – Виктор будто услышал мои мысли. – Как успехи на кафедре танатологии?

– Боюсь, это сложно назвать успехами.

Танатология занималась человеческими воскрешениями. Если духи способны оживить человека, почему этого не может наука? Увы, смерть была поразительно упряма. Созданная на основе исследований Эшенбаха методика позволяла вернуть душу в мертвое тело, но до сих пор ресуррекции, произведенные по воле ученых, редко длились более нескольких минут. Другой проблемой была вечная нехватка материала: родственники погибших даже в наш век оставались достаточно суеверны, чтобы запрещать использование тел.

– По сути, до конца месяца мне нечего делать в лаборатории, – признал я.

– Значит, вы не откажетесь помочь полиции?

Просьба Виктора меня удивила: управление редко обращалось на кафедру. Но не насторожила. А зря...

На следующее утро я отправился в университетский морг, куда Виктор пообещал доставить тело. У дверей меня ждал Брэмли, от холода шмыгавший веснушчатым носом. При виде меня он вытянулся по стойке смирно.

– Детектив Эйзенхарт велел мне остаться на случай, если у вас будут вопросы.

Я рассеянно кивнул. Несмотря на то что мы постоянно виделись в доме Эйзенхартов, мне никогда не приходило в голову заговорить с Шоном: разница в возрасте не способствовала общению. Как и его странная привычка робеть при виде меня.

– У меня должны быть вопросы? – коротко поинтересовался я.

– Никак нет, сэр.

Лицо Брэмли приняло страдальческое выражение, которое я понял, как только откинул простыню с трупа.

– Это шутка?

– Никак нет, сэр, – повторил сержант, старательно не глядя на тело.

В нашем мире, где люди обладают не большей волей, чем марионетки в руках кукловода, духи решают, кому и когда умереть. И хотя это не означает, что человек не может лишиться жизни подобного себе, это приводит к тому, что убить кого-то окончательно довольно трудно. Если духи посчитают, что чья-то судьба оборвалась слишком рано, они не погнушаются с помощью своих слуг-дроздов вернуть этого человека – столько раз, сколько потребуется.

Но и духи, и наука бессильны, если человека обезглавить. Как лежавшего на столе мужчину.

– Я не могу оживить труп без головы, – проинформировал я Брэмли. – Даже духи не в состоянии дать ему второй шанс. Как Эйзенхарт это себе представлял?

Молчание было мне ответом.

– Сержант?

Брэмли с мученическим видом поднял глаза к лампочке под потолком.

– Никак, сэр. Детектив Эйзенхарт просит вас сделать повторное вскрытие, – появившись, он протянул мне картонную папку. – Здесь отчет по первичной аутопсии и медицинская карта барона.

Я не спешил брать бумаги. О таком мы с Виктором не договаривались.

– Эйзенхарту была нужна моя помощь как танатолога.

– О, сэр... – сержант тяжело вздохнул и сделал попытку объяснить мне само собой разумеющееся. – Но ведь этого он не говорил, верно?

Не говорил. Я вспомнил вчерашний вечер. Но ведь Виктор знал, что вынудило меня покинуть фронт. Он должен был понимать, почему я попытаюсь отказаться... И что заставит меня в итоге согласиться. Я прищурил глаза. Похоже, нас с Виктором ожидал долгий разговор.

– Давай папку.

Брэмли поспешил сунуть ее мне в руки, пока я не передумал.

– Еще детектив Эйзенхарт велел сказать, что смотрел ваше расписание на сегодня, – обрадованно протараторил он уже в дверях. – И ждет вас в два часа в кафе «Вест».

Глава 2

Доктор

Кафе «Вест» встретило меня мраморными колоннами и латунной вязью каштановых листьев под потолком. Осмотревшись, я обнаружил Виктора на полукруглом диванчике в углу зала. Перед ним уже стояла тарелка с мясом, которое он поспешно приканчивал. Рядом лежала папка с делом барона. Уплетая обед, Виктор рассматривал фотографии трупа.

– Нет-нет, вы как раз вовремя, это я пришел раньше, – Эйзенхарт перехватил мой взгляд, брошенный на часы. – Простите, что заказал без вас, но такова моя работа: никогда не знаешь, удастся ли поесть.

Проигнорировав протянутую для рукопожатия ладонь, я сел напротив. Тотчас подлетел официант.

– Возьмите мароновый суп и оленину, – отрекомендовал Эйзенхарт, заказывая себе еще кофе.

– Мароновый – это из каштанов?

Ганзеатское наречие, которым жители Лемман-Клива по привычке разбавляли нормальный язык, могло сбить с толку любого приезжего.

– Из чего еще? Вечно забываю, что вы не отсюда и с вами надо говорить на чистом имперском. Ладно, – Виктор отодвинул тарелку. – Похоже, сейчас наступит момент, когда мне придется вас уговаривать. Нужно будет напомнить: несмотря на то что ваша лицензия временно приостановлена и вам пока нельзя работать с живыми, на мертвых ограничения не распространяются. А если вы способны работать на кафедре, значит, ваши руки в достаточном порядке, чтобы вскрыть мертвеца. Еще можно воззвать к вашему профессионализму. Сказать, что вы видели больше насильственных смертей, чем кто-либо в этом городе. И самое главное, у вас есть дар. Чутье Северина-Змея...

Не дар.

Знаменитое змеиное чутье, талант к медицине, являлся не даром, уникальным для каждого человека и определявшим самую его суть, а склонностью – инклинацией, как ее называют ученые, – свойственной всем, кто родился под звездой Змея. Но я понимал, к чему вел Эйзенхарт.

– Лесть вам не поможет, – сухо предупредил я.

– Это не лесть. Заодно стоит надавить на вашу совесть. Знали бы вы, на что я готов пойти, лишь бы заполучить хорошего эксперта! Это вы в академии постоянно крутились возле лучших. Светила науки, мэтры... В нашей милой северной дыре они на вес золота. Старик Гоф, наш патолог, хорош, но в силу возраста не может работать как прежде. А Ретт... это его помощник... Вы наблюдали студентов на вашем факультете, можете представить себе его уровень.

Мысленно я посочувствовал Виктору. Все, кто находился под покровительством Змея или обладал достаточным умом, чтобы сдать вступительные экзамены, обучались в специализированных медицинских учреждениях. На врачебные факультеты университетов шли остальные: ленивые, глупые, интересовавшиеся жалованием врача больше, чем профессией. То, что Гетценбург, несмотря на статус одного из промышленных центров империи, оставался провинцией, лишь усугубляло ситуацию.

– Кроме того, я мог бы воззвать к вашему гражданскому долгу...

– Вы убеждены, что способны уболтать любого, верно? – с любопытством спросил я, перебивая.

Казалось, этот спектакль одного актера не только не утомил его, но доставлял удовольствие. Виктор пожал плечами, не отрицая.

– Разница лишь в том, сколько времени потребуется. Или скажете, что с вами фокус не пройдет?

– Нет.

– Нет? – переспросил Эйзенхарт, явно прикидывая в уме варианты. – В смысле, вскрытие не проведете?

– Уже провел.

Виктор недоверчиво уставился на меня.

– Я считал, мне понадобится еще минут пятнадцать, чтобы уломать вас. Думал напомнить вам о былых подвигах, о вашей помощи военной полиции...

– Я обязан вашим родителям.

Так же недоверчиво Виктор хмыкнул:

– Дело только в этом?

– Не берите на себя больше, чем сможете взять, – посоветовал я. – И в следующий раз, если вам будет нужна моя помощь, не присылайте вместо себя Шона в надежде, что я из жалости не смогу ему отказать. Приходите сами. И не думайте, что сможете использовать меня вслепую.

– Разумеется, – заверил меня Эйзенхарт.

Не слишком искренне, впрочем. Я достал из кармана портсигар и закурил в ожидании заказа.

– Процессы мацерации только начались, когда барона выловили: на ладонях уже появилась характерная окраска, но разбухание не слишком заметно. Температура воды сейчас должна быть около десяти, максимум двенадцати градусов. Исходя из этого, я полагаю, что труп пробыл в воде не менее восьми, но не более десяти часов. Я бы сказал, барона убили между десятью часами вечера среды и полночью. Вы будете записывать?

Эйзенхарт кивнул и поспешил достать из кармана пальто блокнот:

– Совпадает с мнением нашего патолога. Как он умер?

Я с сомнением посмотрел на детектива.

– Если вы не заметили, ему отпилили голову.

– Да, но каким образом? Фрейбург был здоровым мужчиной, он бы сопротивлялся. Но следов борьбы Ретт не нашел. Его могли обезглавить посмертно?

– Исключено.

Виктор вновь кивнул, сверяясь с записями.

– Значит, его чем-то накачали. Наркотиком или снотворным. Но Ретт не обнаружил ничего в крови. И следа от укола на теле не было.

– Все так, – подтвердил я. – След от инъекции могли повредить, когда тело вытаскивали из воды багром, но вряд ли он был.

– Тогда что? Чем-то надышался?

– Думаю, препарат попал в организм с едой. Или, скорее, с питьем. Слизистая оболочка пищевода была раздражена.

– Ретт ничего не нашел ни там, ни в желудке. Предположил, что причиной раздражения был алкоголь.

– Погибший много пил? – уточнил я. В медицинских записях об этом не было ни слова.

– Немало. В определенных кругах он был известен разгульным образом жизни, – Виктор внимательно посмотрел на меня. – Ладно, док, колитесь. Я вижу, у вас есть версия.

– Хлороформ.

– Можете это доказать?

– Содержимое желудка указывает на то, что барон умер спустя час-два после последнего приема пищи. Хлороформ быстро выводится из организма, и его концентрация в крови или на слизистых могла к тому времени быть слишком низкой для обнаружения. Вероятно, именно поэтому ваш специалист ничего не нашел. Но анализ жировых тканей печени показал другие результаты.

Я хотел было сказать, что удивлен, почему полицейский патолог не провел анализ, но вспомнил замечание Эйзенхарта о местных студентах, и многое стало понятно.

– Значит, кто-то подлил лорду Фрейбургу хлороформ в вечерний чай...

– В спиртное, которое тот выпил за ужином, – поправил я Эйзенхарта. – Хлороформ бесследно растворяется в этаноле, но не в воде. Сладкий бренди после ужина или гайст[2 - От нем. Geist; в данном случае – крепкий спиртной напиток на основе ягод.], чтобы скрыть привкус.

Виктор кинул на меня странный взгляд.

– Вечно забываю, что змеи все воспринимают буквально. Значит, кто-то подлил барону хлороформ в бренди, после чего оттащил на лесопилку, где лишил его головы... В чем я теперь не прав?

Я вынул одну из фотографий из-под руки Эйзенхарта и указал на нее.

– Посмотрите на срез. Для дерева используют пилы с крупными зубьями. Ими получается пилить гораздо быстрее, но они оставляют после себя грубый пропилен с рваными краями. В вашем случае срез почти идеален. Даже ножовка для металла оставила бы более заметные следы. Это сделали не на лесопилке.

– Тогда где?

– В больнице, морге... На скотобойне.

– На скотобойне, говорите, – Виктор вздохнул. – Дело понятнее не становится.

Наконец мне принесли суп, и я отвлекся на еду. Однако не настолько, чтобы не заметить, как мой собеседник нервно тарабанит пальцами по столу.

– Рассказывайте, – велел я. – Ваша очередь.

Он будто ждал моего сигнала.

– Барон Ульрих Эдуард Фрейбург – последний из своего рода...

– Кстати говоря, как его опознали?

Этот вопрос интересовал меня с тех пор, как я откинул простыню с трупа. Голову ведь так и не нашли. Особых примет на теле не было.

– При нем остались все его вещи, кроме фамильного перстня. Письма и визитные карточки размокли, но на визитнице была гравировка, а на одежде – именные метки. В личности у нас сомнений нет, – пояснил Эйзенхарт и вернулся к рассказу. – Как я упомянул, барон – последний из Фрейбургов. Братьев и сестер у него нет, отец погиб вскоре после его рождения, мать умерла около двух лет назад. Родился и вырос в Гетценбурге. Последние пять лет провел в кабаках, опиумных денах, борделях, подпольных казино и на скачках. Назовите любой порок и попадете в точку. Само собой, с таким образом жизни он обзавелся бородой из долгов. Еще немного, и барону пришлось бы заложить родовое поместье. Хотя, поверьте на слово, это его не спасло бы. Пусть он из древнего рода, но богатство ушло из их семьи еще до его рождения, – Эйзенхарт задумчиво поболтал остатками кофе в чашке. – В общем, положение его было крайне неблагоприятным, пока он не решил остепениться. Примерно полгода назад он объявил о помолвке с леди Эвелин Гринберг.

– Знакомое имя, – отметил я.

– В каком банке вы держите деньги, док? Лично я, да и большинство жителей нашего славного герцогства, – в «Гринберг и сыновья». Которым владеет отец леди Эвелин, барон Гринберг.

– Из новой крови, полагаю?

Баронские роды, как правило, делились на два вида: старые и бедные либо же богатые и купившие титул при последнем императоре.

– Как ни странно, из старой. Но недавно разбогатевшей. Даже вы должны были слышать ту историю про дедушку леди Эвелин. Нет? Ее дед по молодости влюбился в первую красавицу герцогства. Но, увы, был беден как мышь. Поэтому ее отец Гринбергу отказал. Тогда предыдущий барон поступил не свойственным для аристократа образом: продал имение, городской дворец, все, что осталось от благородных предков, и уплыл торговать. Не знаю, было дело в удаче, хватке или даре, но меньше чем за десяток лет его компания превратилась в финансовую империю, а он сам – в одного из богатейших людей страны. Ну и вернулся, само собой. Женился... Однако не будем отвлекаться. Леди Эвелин – младшая дочь нынешнего барона Гринберга и, как вы догадались, завидная невеста. На свадьбу своей старшей дочери барон потратил порядка двадцати тысяч шиллингов. Размер приданого никому не известен, кроме ее мужа, но, учитывая, что у алтаря ее ждал граф Паулет, оно было немаленьким. Леди Эвелин же, вопреки логике, не пользуется возможностью заарканить графа или даже герцога, а обручается с нищим бароном Фрейбургом. Конечно, она и ее брат-близнец считаются *enfant terribles*[3 - Дословно «ужасный ребенок»; в т. ч. человек, смущающий других бестактным или провокационным поведением (фр.).] в чинном и благополучном семействе Гринбергов, но эта выходка настолько ошеломила всех, что леди повезло в очередной раз избежать попадания на восемнадцатую страницу[4 - Раздел светской хроники в местной газете, освещающий самые громкие скандалы гетценбургского света.] и... Кстати, вот и она!

Виктор подался вперед. Проследив за его взглядом, я увидел молодую женщину, разговаривавшую с метрдотелем у входа в зал.

– Надеюсь, вы не против, если я приглашу ее присоединиться к нам?

Не дожидаясь моего ответа, Виктор встал из-за стола.

Глава 3

Доктор

Главной чертой младшей леди Гринберг оказалась ее полная, совершенная даже непримечательность. Ее типаж оценил бы выходец с Королевского острова: лишь там человеческая внешность настолько лишена красок, а бледную, почти прозрачную кожу и светлые серые глаза считают признаком неразбавленной крови. В Гетценбурге, который до девятнадцатого столетия принадлежал синеглазым и золотоволосым ганзеатам и куда в последние годы стекались иммигранты со всего мира, леди Гринберг терялась. Она была модно и дорого одета: расшитый зелеными маками костюм дикого шелка, подбитый ханским мехом жакет, охотничья шляпка замысловатого фасона. Но наряд только подчеркивал ее невзрачность.

Самой яркой и самой говорящей частью ее внешности были запутавшиеся в темных волосах желтые перья, знак Элайзы-Канарейки. Канарейки часто встречались в высшем свете. В отличие от других людей, они не получали от своей покровительницы чрезмерную силу или исключительный ум, но от рождения обладали не менее ценной инклинацией: обаянием. В их хрупкости было нечто очаровательное, вызывавшее немедленное желание защитить. Неудивительно, что, подобно канарейкам пернатым, они чаще всего оказывались в положении комнатной птички, украшавшей салон очередного богача.

Виктор отодвинул стул и поспешил закрыть папку с фотографиями тела.

– Прошу вас, леди.

– Впервые вижу полицейского, – проговорила она, принимая приглашение.

Вот голос ее невыразительным нельзя было назвать. На удивление глубокий и хриплый, он не подходил для леди. Впрочем, при ближайшем рассмотрении черты ее лица тоже выглядели слишком грубыми для аристократки. Огромные раскосые глаза, резкие скулы, большой подвижный рот. Они скорее пошли бы дочери мясника.

– И... – она перевела взгляд на меня.

– Доктор Роберт Альтманн, – представил меня Эйзенхарт. – Помогает мне в расследовании.

Стоило ей сесть, как метрдотель принес еще один стул, чтобы леди положила на него свертки с покупками.

– Кофе. Черный, – бросила ему вслед леди Эвелин. – Чем я могу вам помочь, господа?

– Для начала расскажите, что вы делали в среду вечером.

– Неужели я стала свидетельницей преступления? – Леди достала из сумочки серебряный портсигар. Покрутила в руках, но не открыла. – В среду вечером, вы сказали? Дайте вспомнить... После обеда я зашла на чай к леди Харден, мы с ней поболтали. Потом решила пройтись по магазинам, тем более что Сара живет в начале Биржевой улицы...

– Простите, – перебил ее Эйзенхарт, – в каком часу это было?

– Около трех.

– Не могли бы вы перейти в своем рассказе к, скажем, часам шести?

Леди Гринберг задумалась.

– Право, не знаю, где я была. Когда гуляешь, не слишком следишь за временем. Помню, что была на Биржевой, но где именно... Подождите!

Она надорвала упаковку на одном из свертков.

– Как раз в среду я зашла в книжную лавку Хубера. Несколько книг из моего списка там не было, пришлось оформлять заказ. Сегодня я их получила. На квитанции должно быть прописано время. – Леди Гринберг передала чек Эйзенхарту и, словно защищаясь, добавила: – Не смотрите на меня так, детектив. Жанр женской литературы может считаться сомнительным, но без него у нас вовсе не было бы прозы. Если бы не первые романы сестер...

– Четверть седьмого, – прочел Эйзенхарт и перевел разговор с литературы на более важную тему. – Куда вы отправились после этого?

– К мистеру Кинну на Охотничьей улице. Хотела заказать у него новый парфюм, и мы разговорились. Вспомнили о времени, только когда зазвонили часы на ратуше.

– То есть без пяти восемь.

Эйзенхарт сделал пару пометок в блокноте и спросил:

– Что было потом, леди Гринберг?

– Зовите меня Эвелин, прошу вас. Что было потом, вам вряд ли будет интересно. Я отправилась домой и по дороге ничего не видела.

– И все же расскажите.

Леди Гринберг пожала плечами.

– Я села на трамвай. Четвертый маршрут идет как раз от перекрестка Охотничьей и Башенного переулка до Каменного моста. Оттуда прошла пешком до дома. Было около девяти вечера. Есть я не хотела, поэтому поднялась к себе в комнату и сразу легла спать.

– После этого вы не выходили из дома?

– В среду? Нет.

– Кто-нибудь может подтвердить ваш рассказ?

Она нахмурилась.

– Мистер Кинн помнит мой визит, я уверена. Моя горничная может сказать вам точно, когда я легла в постель, но вряд ли вы примете ее показания. Вы меня в чем-то подозреваете, детектив?

– Больше никого, кто может сказать, что вы не выходили ночью из дома?

– Я не замужем, детектив. Неудивительно, что я имею обыкновение спать в одиночестве, – с кривой улыбкой парировала она. – А теперь ответьте на мой вопрос. В чем дело?

Эйзенхарт не стал ходить кругами, щадя ее чувства:

– Барон Фрейбург умер.

Я ожидал от леди Гринберг иной реакции. Я был готов к слезам и лихорадочному отрицанию, обмороку и требованиям вызвать врача, но леди Гринберг меня удивила.

– Вы хотите сказать, его убили, – педантично поправила она. На ее лице ничего не отразилось. – Иначе у полиции не было бы интереса к его смерти.

– Боюсь, что так. Вам что-нибудь об этом известно?

– Ничего.

– Вы не знаете, кто мог желать его смерти?

Леди Гринберг не ответила, в глубокой задумчивости глядя на стол перед собой. Эйзенхарт повторил вопрос. Крышка портсигара, который она снова принялась вертеть в руках, громко щелкнула, и леди Эвелин вздрогнула.

– Прошу прощения, – извинилась она. – Видимо, это известие оказалось для меня бо?льшим ударом, чем я думала. Вы не возражаете, если я на минуту отлучусь в дамскую комнату? Мне нужно прийти в себя.

– Разумеется.

Виктор проследил, как леди Гринберг скрылась за ширмой на другом конце зала, прежде чем обернулся ко мне.

– Что вы о ней думаете?

– Канарейка. Хотя и несколько обделенная их очарованием.

Инклинация леди Гринберг была под стать ей самой: блеклой. Эйзенхарт смерил меня внимательным взглядом.

– Вы из тех людей, кто судит о человеке по его покровителю, док?

– Мой опыт показывает, что этот метод не хуже других, – не поддался я на провокацию. – Вы считаете иначе?

– Да, – подтвердил Эйзенхарт. – Считаю.

– Почему же?

– Потому что ничего из того, что мы сейчас видели, не сходится с портретом канарейки.

Я ничего подобного не заметил.

– Например?

– Она упряма. И откровенно пренебрегает мнением общества. Оглянитесь вокруг, док!

Я последовал его совету и понял, что он имел в виду. Публика в кафе была исключительно мужской. Брокеры и служащие министерств, офицеры и молодые аристократы. Черные котелки и кепи, белые накрахмаленные рубашки, синие мундиры и твид. Прийти в подобную компанию в одиночестве? Скандал для молодой леди.

Тот же скандал, что слышался за коротким «Кофе. Черный».

За время последней войны мир изменился. Когда я отбывал в Альсизар, ужасным конфузом было случайно увидеть щиколотку дамы. Правила приличия

исключали любой контакт, кроме танцев, а незамужние девушки не могли выйти из дома без дуэньи. Замужние дамы имели больше свободы, но даже им запрещалось посещать кафе и рестораны, поскольку прием пищи считался слишком личным занятием для женщин. Исключения совершались только для званых вечеров, на которые леди были вынуждены сопровождать супругов. Табак? Как можно! Кофе? Помилуйте, не для столь нежных и хрупких натур. Разве что самую каплю, разбавленную до белизны молоком и густыми сладкими сливками. Прочее оставьте тем, кто выдержит горечь и крепость. Мужчинам.

Тысяча восемьсот девяносто восьмой, двенадцать лет войны, двенадцать лет без надзора мужчин, и все перевернулось. Современная мода поощряла оголять ноги настолько, чтобы была видна резинка чулок, а сигареты и янтарно блестящий мундштук стали модным женским аксессуаром. Никто не удивлялся, увидев девушку на улице без сопровождения. Откровенный флирт уже никем не осуждался. Зашла даже речь о предоставлении женщинам прав. Но все же...

– Это не комильфо, особенно для незамужней леди, – подтвердил мои мысли Эйзенхарт. – С принятия закона прошло пять лет, и они обязаны впускать дам, но все же кафе «Вест» позиционирует себя как заведение для джентльменов. Если обойти здание, можно попасть в отдельный дамский салон. Насколько я знаю, метрдотель каждый раз пытается объяснить это леди Гринберг, – Виктор широко улыбнулся. – Но она отказывается. Говорит, здешние повара нравятся ей больше. Обедает тут минимум раз в неделю. Иногда со своим братом, иногда с другими спутниками, но чаще одна, игнорируя просьбы бедных владельцев заведения, чью репутацию, по их словам, рушит вместе со своей. А теперь скажите мне, доктор, сколько вы знаете канареек, которых не беспокоило бы чужое мнение?

Я был вынужден признать, что ни одной. Эйзенхарт кивнул:

– Канарейка не пойдет на открытую конфронтацию. Это может отвратить людей от нее, а ничего другого канарейка не жаждет так сильно, как любви и одобрения. Это последнее, что леди Гринберг найдет здесь. Не говоря уже об их легкомысленном щебете... «Легкомыслие» – пожалуй, последнее определение, которое я использовал бы для леди Гринберг.

– Какие же определения вы бы в таком случае использовали?

– Ум. Расчет. Вы обратили внимание, как она тщательно подбирала слова? И строила свои показания так, чтобы узнать, что именно меня интересует?

– Она просто отвечала на ваши вопросы, – осадил я Виктора. – Не преувеличивайте.

– Но хоть тут согласитесь: ее реакцию на смерть барона нормальной не назовешь!

Я покачал головой.

– Склонен считать, что это шок и сейчас она рыдает в уборной.

– Склонен считать, что леди Гринберг не из тех, кого можно шокировать, – отозвался Виктор и засек время. – Впрочем, на случай, если я ошибаюсь, дам ей несколько минут на слезы. А вам – на оленину. Вы даже не приступили к обеду.

Спустя пять минут Эйзенхарт начал нервничать.

– Успокойтесь, – посоветовал я. – Ей нужно привести себя в порядок. Скоро она к нам присоединится.

Несмотря на мои обещания, леди Гринберг так и не появилась. На столе остывал украшенный сливками бокал: должно быть, метрдотель не услышал слова «черный» в заказе. Спустя четверть часа забеспокоился и я: с леди могло что-то случиться. Эйзенхарт отошел попросить, чтобы кто-нибудь из obsługi проверил дамскую комнату, и вернулся мрачнее тучи.

– Дерьмо! – выругался он. – Одна из дверей за ширмой ведет на кухню. Леди Гринберг воспользовалась ею и попросила выпустить ее через черный ход. Она не первый раз так делает, поэтому ее провели без вопросов, – он подхватил пальто и направился к выходу. – Собирайтесь, док, нам надо ехать!

– Куда?

– На квартиру к барону!

Глава 4

Доктор

Пока Виктор препирался с портье, утверждавшим, будто потерял ключ к квартире лорда Фрейбурга, я осматривался. Барон снимал жилье недалеко от городского рынка, в районе, который еще несколько лет назад считался пристойным. В отличие от других частей города, доходные дома содержались тут в порядке и радовали глаз недавно окрашенными стенами, мостовые не были скрыты под слоем гниющих листьев, а фонари не щерились на прохожих осколками ламп. Но история оставила свой отпечаток и здесь: последние годы все больше беженцев с материка оседало в империи. Гетценбург не избежал этой участи. По краю рыночной площади ютились деревянные постройки, в которых ночевали продавцы и грузчики с непривычными для местного уха именами, а нижние этажи домов были украшены вывесками на чужих языках. С ностальгией читая колониальную вязь, я не услышал, как Эйзенхарт окликнул меня.

– Пойдемте, – потянул он меня за рукав, умудряясь при этом выглядеть одновременно хмурым и довольным. – Я был прав: из кафе она приехала сюда. Портье сознался, что отдал ей свой ключ. Он знал о помолвке, не раз беседовал с леди, когда та сюда приходила, и не увидел ничего необычного в просьбе впустить ее в квартиру и никому об этом не говорить. Несчастный кретин! Считал, что поступает благородно. Нам на второй этаж. Она еще там, есть шанс узнать, что ей хотелось скрыть от полиции.

Поднявшись, мы дошли до апартаментов с табличкой «У. Э. Фрейбург». К счастью, леди Гринберг не стала запирать дверь.

Комната, в которую мы зашли, при жизни барона служила ему кабинетом и гостиной одновременно. В настоящий момент ее пол был усыпан листами бумаги: кто-то не поленился вывернуть ящики стоявшего у окна секретера и разбросать по полу корреспонденцию.

– Ну и работу вы успели провернуть, – присвистнул Эйзенхарт.

Леди Гринберг, которую наше появление застало врасплох, вздрогнула и выронила пачку бумаг.

– Это не я, – огрызнулась она и бросилась их собирать, но детектив ее опередил.

– А кто? Духи? Дайте-ка посмотреть, – Эйзенхарт поднял с пола листок. – Обналиченный банковский чек на предъявителя, выписанный леди Эвелин Гринберг на сумму в двести шиллингов. А это, – выхватил он из рук леди Гринберг следующий, – еще один чек, выписанный той же леди Гринберг на ту же сумму. И еще один... Поздравляю, леди, кажется, мы узнали ваш мотив для убийства лорда Фрейбурга.

– Это не я, – повторила леди Гринберг.

– Он вас шантажировал? Поэтому вы ему платили? Он заставил вас с ним обручиться?

– Да нет же! – она тяжело вздохнула. – Верните чеки, детектив, я все объясню.

– Объясните. В управлении. Незаконного проникновения в квартиру и этих документов будет достаточно, чтобы я задержал вас как подозреваемую.

– Нет.

Голос леди Гринберг прозвучал твердо, холодно и совершенно спокойно.

– Не я убила Ульриха и не я устроила здесь погром. Когда я пришла сюда, нашла квартиру в том же состоянии, что и вы. Проверьте записи портье, там должно быть указано, кто заходил к Ульриху до меня. Барон Фрейбург меня не шантажировал, более того, помолвка была моей идеей. Но если вы отвезете меня в управление, я ничего не расскажу. А вам придется иметь дело с мистером Норбертом.

Судя по лицу Виктора, перспектива встретиться с лучшим адвокатом герцогства его не вдохновляла.

– Ставите мне ультиматум? – поинтересовался он.

– Вы меня вынудили.

– Хорошо, – Эйзенхарт поднял опрокинутое кресло и уселся в него, – начинайте рассказывать.

Леди Эвелин растерялась:

– Здесь?

– Вы же отказываетесь ехать в управление.

– Но здесь не топили по меньшей мере два дня, – леди Гринберг поежилась. – В доме напротив есть небольшое заведение, где варят отличный кофе, мы не могли бы пройти туда? По дороге заодно спросите у портье, кто еще сюда приходил, убедитесь, что я не вру. Ради всех духов, детектив! Я не собираюсь снова от вас убегать, но это не значит, что я хочу простудиться.

Я был склонен с ней согласиться. Даже мне, человеку, проводившему долгие часы в прохладе морга, было зябко. Что в таком случае говорить о леди, которой пришлось бросить жакет в кафе? Эйзенхарт сдался.

– Так и быть. Доктор, вы не могли бы присмотреть за леди, чтобы нам не пришлось опять гнаться за ней через полгорода? Я пока переговорю с портье.

Я осторожно встретился взглядом с леди Гринберг, но она, казалось, не возражала против меня в роли тюремщика. С невозмутимым видом взяв меня под локоть, леди поспешила вниз по лестнице, задержавшись только у выхода, чтобы Эйзенхарт догнал нас.

– Надеюсь, Симмонс рассказал, кто успел побывать в квартире до меня? – спросила она у Виктора, переходя площадь.

– Никто, леди. До вас в квартиру никто не заходил.

Она нахмурилась:

– Это невозможно.

– Это правда.

Леди Гринберг остановилась и повернулась к Эйзенхарту.

– А в дом? Кто-то мог сказать, что идет в другую квартиру, а потом спуститься к Ульриху.

– Ни сегодня, ни вчера в доме не было никаких посетителей, кроме обслуживающего персонала. Доставка продуктов, белья из прачечной, приходящая уборщица... Все они приезжают постоянно и находятся вне подозрений. Вы первая, кроме жильцов, кого портье впустил через парадный вход. Надеюсь, у вас есть очень хорошее объяснение.

Глава 5

Доктор

– Я не знаю, как объяснить разгром в квартире Ульриха, – призналась леди, открывая дверь с табличкой на одном из материковых наречий.

Помещение за ней пропиталось запахами пива и кухонного масла. Леди Гринберг, несколько не смущенная обстановкой, кивнула хозяину и, показав три пальца, устроилась за ближайшим столом.

– Садитесь, – похлопала она по скамье рядом с собой, – сейчас нам принесут самый крепкий кофе в городе. Здесь удобно разговаривать: пан Блажей не поймет ни слова, что мы скажем. Мы с Ульрихом заходили сюда, чтобы обсудить дела.

– Вам было что скрывать?

Детектив Эйзенхарт выбрал место напротив леди и теперь сверлил ее полным подозрения взглядом.

– Всем нам есть что скрывать, детектив. Разве я не права? – она почему-то оглянулась на меня.

Ответить Эйзенхарт не успел: принесли кофе. Я сделал глоток и едва не закашлялся: малинового гайста в кружку добавили от души.

– Крепкий во всех смыслах.

– Именно так я всем говорю, – подмигнула мне леди.

– Мы можем наконец перейти от светской беседы к разъяснениям? – раздраженно потребовал Эйзенхарт. – Или нам все-таки придется поехать в управление?

Со вздохом леди отставила кружку.

– Я не знаю, кто был в квартире Ульриха и что он там искал, но знаю, что означали эти чеки. Ульрих не шантажировал меня. Я платила ему жалование, – нехотя призналась она.

– Жалование? За что?

– За то, что он изображал моего жениха.

Это было неожиданно.

– Простите? – удивленно переспросил Эйзенхарт.

– Наша помолвка с бароном Фрейбургом была фиктивной, – повторила леди. – Мне нужен был жених, и я предложила Ульриху исполнять эту роль за деньги.

Мы с Эйзенхартом переглянулись.

– Но, ради всех духов, зачем? Вы богатая, молодая, даже в определенной степени привлекательная особа...

– «Даже»... – пробормотала леди Эвелин. – А вы умеете делать комплименты, детектив.

– Вы легко нашли бы себе мужа, не прибегая к таким уловкам!

– Но я вовсе не искала мужа! – возразила она. – Лишь жениха, и то на время.

За столом повисло молчание.

– Возможно, вам стоит попробовать начать с начала, – предложил Эйзенхарт.

Леди Гринберг достала из сумочки портсигар.

– Моя зажигалка осталась в жакете. Не поможете?.. Благодарю. – Она вернула мне спички и попросила: – Раз вы так добры, доктор, не могли бы вы снять очки? Ужасно отвлекает, знаете ли, когда не видишь глаза собеседника.

Просьба застала меня врасплох. Каждый из духов, благословляя при рождении, оставляет нам не только склонность и дар, но и частицу себя. Кого-то это красит: перья, растущие на голове вместе с волосами, выглядят оригинально и придают определенную изюминку внешности; я также знал не одну танцовщицу, чьей карьере помог пушистый хвостик, доставшийся от Лайлы-Кошки. Другим везет меньше: мало кто хочет жить с оленьими рогами или, в моем случае, со змеиными глазами на человеческом лице. Никто не назовет это уродством – было бы оскорблением духов даже думать в таком ключе, – но, зная о неоднозначной реакции окружающих, я предпочитал скрывать глаза за синими стеклами.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Я же не прошу вас снять перчатки, – резонно заметила она.

Было это случайностью, или леди что-то заметила? Я решил уступить, но предупредил:

– Это не самое приятное зрелище.

– Уверена, вы преувеличиваете... Я же говорила: так гораздо лучше.

Она улыбнулась, и я не сумел удержаться от ответной улыбки. Я не мог сказать, каким именно образом, но манера, с которой держалась леди Эвелин, изменилась. Отстраненная вежливость сменилась искренностью, пусть не всегда любезной. Но это новое лицо леди Гринберг мне нравилось гораздо больше. Затянувшись сигаретой, она начала свой рассказ:

– Мы живем в крайне прогрессивной стране...

– Когда я сказал «с начала», леди, я не имел в виду сотворение мира, – перебил ее Эйзенхарт.

Леди Гринберг его замечание демонстративно проигнорировала.

– Вы все-таки хотите поговорить с мистером Норбертом? Нет? Почему-то так и думала. Как я уже сказала, империя идет на гребне прогресса: мы вторые в мире по объему промышленности, на тридцать лошадиных повозок в Гетценбурге уже приходится два автомобиля, а в столице и все пять, электричество проведено во все дома в крупных городах. Но в то же время женщины не могут голосовать, учиться в университете или иметь свой капитал. Если женщина замужем, все ее деньги принадлежат мужу; если нет, то откуда ей их взять?! Она не может заключать контракты на суммы, превышающие карманные расходы, не может пойти работать без разрешения отца, который будет получать за нее жалование, а в большинство завещаний вставлена клаузула[5 - Особое условие.] о семейном положении, – она передернула плечами. – Право, какая дикость!

– Да вы феминистка!

– Я женщина, – ответила леди Эвелин таким тоном, будто это все объясняло.

– Считаете, что сами распорядились бы деньгами лучше?

– Конечно. Или вы из тех мужчин, которые считают, что женщина в мгновение ока все спустит на тряпки? В любом случае я распорядилась бы своим

состоянием эффективнее, чем мой зять, вложивший приданое моей сестры в бриквайтские алмазные копи. Он бы еще купил акции Южно-Роденийских железных дорог!

– «Экономический вестник империи» давал им самый положительный прогноз, – заметил я.

Леди фыркнула:

– Верьте больше газетам! Вместо того чтобы включить мозги, сходить в торговую палату и заплатить шиллинг за просмотр их отчетности. Один только процент представительских расходов делает все очевидным. Южно-Роденийские дороги даже никого не обманывают: люди сами с удовольствием делают это за них. – Леди Гринберг покачала головой и продолжила: – Я возвращаюсь к делу, детектив, успокойтесь. Моя бабушка оставила мне небольшое наследство. Но она выросла и жила в то время, когда считалось, что женщина не приспособлена для ведения серьезных дел, поэтому поставила условие: если к двадцати одному году я не выйду замуж или хотя бы не буду обручена, деньги перейдут под контроль моего отца, пока он не решит, что я достаточно взрослый и, – леди Эвелин скорчила гримаску, – почтенный человек, чтобы распорядиться ими самостоятельно. А он так не решит никогда.

– Поэтому вам пришло в голову нанять барона Фрейбурга на роль жениха?

Леди Эвелин пожала плечами:

– Если вкратце, то да.

– А еще говорят, что правильное воспитание позволяет укротить преступные наклонности! – проворчал детектив.

– Не забывайте, я выросла в семье банкиров. Вряд ли это можно назвать правильным воспитанием. Пока вы учились ловить убийц, мои родственники изучали тысячу и один способ уйти от налогов.

Увидев, что кофе за столом кончился, хозяин принес нам еще поднос. Пробормотав слова благодарности, леди Гринберг продолжила:

– До меня доходили слухи о долгах Фрейбурга, а у меня были деньги. Полгода назад я решила спросить Ульриха, не согласится ли он оказать мне небольшую услугу, и мы обо всем договорились. Каждый месяц я платила ему определенную сумму, а он в обмен на это выходил время от времени со мной в свет. Мы договорились, что наша помолвка продлится до февраля, чтобы я успела получить наследство. После этого он должен был завести с кем-нибудь интрижку, чтобы дать повод помолвку разорвать, и мы расстались бы, крайне довольные друг другом. Как видите, детектив, у меня не было никакого резона убивать Ульриха. Более того, – с тоской произнесла она, – его смерть мне крайне невыгодна. Если бы его убили месяцем позже!.. Теперь моим планам не суждено сбыться.

– Вам так нужно это наследство, леди Гринберг? Зачем? Насколько я понимаю, вы не стеснены в средствах.

– Это личное.

Эйзенхарт усмехнулся.

– Сколько, вы сказали, вам оставили?

– Немного, – леди Эвелин не выдержала и отвела взгляд. – Возможно, триста...

– Не сходится. Вы уже заплатили лорду Фрейбургу больше этой суммы, – перебил ее детектив.

– Тысяч. Триста тысяч шиллингов.

– Это вы называете «немного»?!

У его возмущения были причины: по меркам обывателя сумма казалась немыслимой. Я посчитал в уме. Мое жалование в университете составляло порядка восьмидесяти шиллингов в месяц, не считая налогов. Такое количество денег я не скопил бы и за пять жизней.

– По сравнению с тем, что получила моя сестра, это немного, – спокойно подтвердила леди Гринберг. – Надеюсь, теперь вы верите, детектив, что у меня

не было причин убивать Ульриха?

– Нет.

– Нет?

– Вы слишком много недоговариваете, – пояснил ей Эйзенхарт. – Поэтому – нет, я вам не верю. Но у вас есть возможность меня переубедить. Почему вам так нужны эти деньги?

Леди Эвелин окинула его недовольным взглядом.

– Я хотела уехать в колонии, – отчеканила она.

– Почему? У вас какие-то проблемы в империи?

– Никаких. Просто мою семью легче любить на расстоянии.

– Для этого не обязательно переселяться на другой конец света.

Леди Эвелин пожала плечами:

– Возможно, переезд на другой континент – немного кардинальное решение этой проблемы, но едва ли оно квалифицируется как преступление.

Черкнув что-то неразборчивое в блокноте, Эйзенхарт задал следующий вопрос:

– Почему именно барон Фрейбург?

– Я вам объяснила. Всему свету известно, что барон на грани банкротства и пойдет на все, лишь бы не продавать поместье. Я решила попытать удачи. Надеюсь, – сузила она глаза, – вы не думаете, будто я питала к нему нежные чувства и решила таким образом завлечь под венец?

Детектив отреагировал без всякого смущения:

– Это одна из версий. Но, раз мы об этом заговорили: почему вы не завлекли под венец, по вашему же выражению, кого-то, кому не пришлось бы платить?

– А почему вы не женаты? – парировала леди Эвелин. – Брак – это сделка. Способ получить социальный статус или финансовую безопасность. К счастью, у меня есть и то, и другое. И потому нет никакой необходимости вступать в подобные отношения.

– Некоторые люди женятся по любви, – заметил Эйзенхарт.

Вместо ответа леди Эвелин затянулась сигаретой.

– Вы могли точно так же разорвать помолвку после получения наследства.

– И оплачивать бедняге бальзам на сердце?[6 - В странах, где помолвка считалась имевшим юридическую силу договором, – компенсация за отказ жениться.] Я потеряла бы на этом больше, чем выиграла бы. К тому же, что бы вы обо мне ни думали, мне не доставило бы удовольствия обманывать безвинного человека.

Возможно, это заявление произвело бы большее впечатление, если бы леди не упомянула в первую очередь о финансовой стороне дела.

– Хорошо, – сдался Эйзенхарт, – допустим, вы тут ни при чем. Вы знаете, кто мог желать барону Фрейбургу смерти?

– Мы не были близки с Ульрихом. Разумеется, нам приходилось разговаривать, но у нас не имелось причин затрагивать подобные темы. Вам лучше спросить Андрэ... Андрэ Коппинга, сына текстильного магната. Они с Ульрихом были друзьями с детства. Если кто-то сможет вам рассказать об Ульрихе, так это он. Я знаю только... – Она колебалась, но все же решила продолжить: – Я знаю, что некоторые из его кредиторов проявляли нетерпение. Около недели назад мне довелось услышать, как один человек кричал на Ульриха, требуя вернуть ему долг. Он был весьма рассержен.

– Где это было? Вы можете описать того человека?

– Лучше. Он работает в казино здесь неподалеку. Я могу вас туда провести.

Виктор одарил ее тяжелым взглядом.

– Вы ведь знаете, что подобные заведения запрещены законом? Что вы вообще там делали?

Леди Эвелин знала.

– Но у моего брата наступила темная полоса, и он попросил помочь ему отыгаться. Не могла же я ему отказать, – ее губы снова тронула усмешка.

– Отчего он попросил именно вас?

– Мне везет. Больше, чем другим.

Эйзенхарт вздохнул.

– И почему вы еще не за решеткой? – поинтересовался он у леди Эвелин.

– Потому что у моей семьи много денег и хорошие адвокаты, – получил он ответ. – Бросьте, детектив! Половина мужчин в этом городе играет в азартные игры. Но только я признаюсь в этом, чтобы помочь вам в расследовании.

Глава 6

Доктор

Казино располагалось всего в трех кварталах от квартиры барона, но обстановка вокруг не могла отличаться сильнее. Улочка была настолько узка, что на растянутой между домами веревке едва помещались две рубашки. От мостовой шел запах нечистот. Вместо газовых фонарей горели красные бумажные, колониальный символ квартала удовольствий.

– Это место не из тех, что я обычно посещаю, – бросила леди Эйзенхарту. – Поэтому я не назову вам имени человека, требовавшего с Ульриха долг. Но, если увижу, покажу.

На стук в дверь покосившегося здания вышел мужчина восточной наружности. В его глазах мелькнуло узнавание, когда он заметил леди Эвелин.

– Со мной еще двое, – просунула она в ладонь охраннику несколько купюр. – Надеюсь, это не проблема?

Так же молча инец посторонился, пропуская нас внутрь.

Зал был заставлен оттоманками в черно-красных тонах и бронзовыми статуями Рейнара-Лиса, покровителя мошенников и игроков. Стояла дымовая завеса, курительницы наполняли помещение запахом олибанума. В алькове хозяин посадил музыканта с кемендже. Китч как он есть. Прожив много лет в колониях, я не был впечатлен, но представлял, как это виделось жителю холодного Лемман-Клива. Чуждо. Роскошно. Волнующе. Я же отметил тяжелый аромат, доносившийся из-за завешенного шелком прохода, и татуировку на шее подавальщицы. Это заведение было не только игорным домом.

Леди Эвелин присела за стол, где кидали кости. Эйзенхарт встал у нее за спиной.

– Ставка пять пенсов, – предупредила меня леди.

Вскоре я был вынужден выйти из игры: мой бумажник был не бездонным, а леди раз за разом выпадало двенадцать очков.

– Я же говорила, – потянулась она за очередным выигрышем. – Мне везет.

Еще один игрок покинул наш стол; осталось трое. Мне пришлось наклониться к ее уху, чтобы меня было слышно за окружающим нас шумом.

– Другие назвали бы такую удачу шулерством.

Она повернулась, и серые глаза оказались неожиданно близко от моих.

– Разве такое возможно? – невинно взмахнула она ресницами. – Кости бросает крупье.

– И все же должен предупредить: если продолжите в таком духе, это привлечет внимание.

Она рассмеялась низким грудным смехом.

– Поверьте, доктор, я на это рассчитываю.

Ее тактика принесла плоды. Не прошло и десяти минут, как к нашему столу подошел пожилой выходец из Инья. Бросил пару слов крупье, и тот объявил об окончании игры. Через несколько мгновений мы остались одни.

– Леди, – косоглазый старик поклонился леди Эвелин. – Вам всегда рады на той половине дома, но играть вам запрещено. Мне казалось, я ясно дал это понять в прошлый ваш визит.

Леди Эвелин улыбнулась ему.

– Но я хотела вас видеть.

– Зачем очаровательной леди компания старика? И вам, детектив? – инец повернулся к Виктору. – Добрый вечер, мистер Эйзенхарт. Давно не видел вас у себя. Пришли снова закрывать мое заведение?

– Мистер Ченг, – Эйзенхарт кивнул. – Как вам известно, я больше не работаю в патруле. Я пришел из-за убийства.

– Чьего?

– Не притворяйтесь, что не знаете. Вам наверняка доложили, что тело барона Фрейбурга нашли в Талле вчера утром.

– Я не имею к этому отношения.

– Мне это сегодня уже говорили.

Слушавшая их разговор леди Эвелин потупилась.

– Я знаю, что барон задолжал вам денег. Ваш человек угрожал ему. Тоже будете отрицать?

В голос старика, тягучий и сладкий, словно подсыпали яда.

– Почему я должен отвечать на ваши вопросы, когда могу убить вас, Виктор?

Подобравшись, я прикинул расстояние до мистера Ченга. Безусловно, вокруг было достаточно его людей, но если успеть... Повисшее над столом напряжение разорвал смех Эйзенхарта.

– Не ломайте комедию, мистер Ченг, – ухмыляясь, посоветовал он. – Мне уже не шестнадцать, и я не поведусь на ваши шутки.

– Я должен был проверить, – осклабился в ответ Ченг. Акцент из его речи исчез. Присев на одну из подушек, инец подобрал под себя ноги. – Барон был мне должен, факт. Мы часто даем в долг клиентам и забираем потом у них вдвое, а то и втрое больше. Фрейбург часто опаздывал с выплатами. Последние полгода ему удавалось возвращать деньги вовремя, как я понимаю, благодаря вам, леди, – поклонился он леди Гринберг. – Но в этом месяце он опять сорвался. Пришлось его припугнуть. Но я не убивал его. С мертвеца денег не возьмешь. Когда я видел его в последний раз, он клялся, что принесет деньги тридцатого.

Это заинтересовало Эйзенхарта.

– Он объяснил, почему произошла задержка?

– Уверял, что женился, и храмовые сборы съели все его наличные, но скоро ему снова заплатят. Любопытная история, не так ли? – он склонил голову набок, рассматривая леди Эвелин. – Потому что я не вижу на вас венчального кольца, леди.

Втроем мы вышли из казино и вернулись к дому барона. Поймав там экипаж для леди Эвелин, Эйзенхарт настоял на том, чтобы мы взяли следующий. По дороге домой я не удержался и спросил:

– О чем вы так задумались?

– Заметили выражение лица леди Гринберг, когда она услышала о женитьбе барона? Для нее это стало новостью.

И неприятной. Когда старик обратился к леди Гринберг, на ее лице промелькнула досада. Только вот отчего? Оттого, что барон нарушил их договор? Или оттого, что Эйзенхарт узнал об этом?

– Похоже, никому нельзя доверять, – быстро вернула она тогда на лицо улыбку. – Даже тем, кому платишь.

Вопрос заключался в том, можно ли было доверять ей.

Глава 7

Эйзенхарт

Виктор постучал еще раз и отхлебнул из стаканчика кофе. Либо в квартире никого не было, либо... Дверь распахнулась.

– Что вы тут делаете? И который час?

Оценив шлафрок, Виктор сверился с хронометром у себя на запястье.

– Половина одиннадцатого. Похоже, вы не из жаворонков, доктор.

Ответом послужил хмурый взгляд змеиных глаз. Виктора едва не передернуло. Нет, все-таки леди Эвелин была не права: с очками лучше...

– Я тут проходил мимо и вспомнил, – преувеличенно бодро начал он, – а ведь за время вашего пребывания в Гетценбурге я так и не удосужился устроить вам экскурсию по городу! Мое поведение непростительно, но, надеюсь, вы проявите великодушие и позволите исправить оплошность.

– Полагаю, список местных достопримечательностей совпадет с адресами людей, которых вам нужно допросить по делу барона Фрейбурга?

Очевидно.

– Вот значит, какого вы мнения обо мне, – Виктор широко ухмыльнулся. – Но вы правы. Сегодня меня ждет опрос свидетелей, чай с мистером Коппингом и осмотр возможного места преступления. Не желаете присоединиться?

– Я думал, для этого у вас есть сержант.

– У старины Брэма другое задание. Так вы идете?

В ответе Виктор не сомневался. Как бы его кузен ни пытался убедить других, в Гетценбурге ему было смертельно скучно. Ничего удивительного: после колоний Гетценбург наверняка казался уснувшим королевством, а университет и вовсе никогда не просыпался. Чего Виктор понять не мог, так это почему Роберт, даже отказываясь работать с живыми, не выбрал себе более подходящее место работы.

– Дайте мне десять минут на сборы.

Кузен управился за две – должно быть, сказалась армейская привычка. С поправкой на пальцы, само собой.

– Куда мы направляемся сейчас? – жадно потребовал он.

И этот человек еще пытался делать вид, будто помогает против своего желания?

– В бистро на углу Биржевой. Я захватил вам кофе, но выпил его, пока вы открывали, так что угощаю. К тому же вы еще не завтракали. Потом – в парфюмерное ателье. Я проверил книжный магазин мистера Хубера, время с квитанции совпадает с тем, когда леди Гринберг видели там. Хочу узнать, что скажут у мистера Кинна.

В бистро Виктор заказал себе еще кофе. Перед глазами все плыло. Нет, все-таки надо спать побольше...

– Вы все еще думаете, что леди могла отпилить барону голову и сбросить труп в реку? – спросил Роберт, закончив с яичницей. – Мне она не показалась силачкой.

– У нее мог быть поделщик. Она могла нанять кого-то, кто убил лорда Фрейбурга для нее.

– В таком случае проверка алиби вам ничего не даст, – разумно заметил кузен.

Виктор поморщился и поставил пустую чашку на стол.

– Не портите мне дело, док! У меня нет никаких зацепок. Никто не знал барона. До совершеннолетия он жил в поместье. Приехав сюда, проводил время в основном в местах, о посещении которых люди стараются не упоминать в разговоре с полицией. Барон посещал пару-тройку приемов в месяц, раз или два в неделю появлялся в клубе, близких знакомств не завел. В его переписке мы не нашли ничего, кроме счетов. Да, у него были долги, но даже если бы мы знали, кому кроме мистера Ченга он задолжал, нам бы с наибольшей вероятностью ответили то же самое: с мертвого нечего взять! – Виктор перевел дух и продолжил: – Никто даже не видел барона в последний вечер его жизни. Поэтому я буду проверять слова леди Гринберг, пусть это ничего не даст. На данный момент она единственная, кого мы можем связать с Фрейбургом.

– Она и мистер Коппинг.

Виктор согласился.

– Надеюсь, хоть он сможет помочь. – Получив счет, Виктор поспешил перетянуть его к себе. – Пойдемте, доктор.

Виктор всегда любил ателье Кинна. За странную смесь запахов, навевавшую мысль о волшебных зельях. За обстановку аптеки: не новомодной, выкрашенной в болезненно-белый цвет, где готовые лекарства доставлялись на кассу по пневмопочте, – а старой, с деревянными шкафами от пола до потолка, поблескивающим темным стеклом пузырьков и загадочными порошками в подписанных по-латыни банках.

За рабочим столом сидел мужчина лет пятидесяти. Он поднял голову на звон висевшего на двери колокольчика, но взгляд скользнул мимо.

– Добрый день, мистер Кинн, – поздоровался Виктор, подходя ближе. – Детектив Эйзенхарт из полиции.

– Земля, порох и можжевельник, – узнал слепой парфюмер. – Я помню вас, молодой человек. Вы сделали у меня три заказа на Канун года. Эх, молодежь...

Виктор улыбнулся шутке.

– Вы прекрасно знаете, что третий подарок был для Луизы.

– Но для кого тогда предназначался второй?

Для Лидии. Которая наверняка выбросила флакон.

– А вашего спутника я не знаю, – заметил парфюмер.

– Мистер Кинн, это доктор Альтманн, он помогает мне в расследовании. Доктор Альтманн – мистер Кинн, лучший парфюмер во всем герцогстве Лемман-Клив, если не во всей империи. Запомните его адрес, перед праздниками он просто незаменим, – представил их Виктор. – Мистер Кинн, мы могли бы поговорить с вашим сыном?

– С Теодором? Он уехал в Фельс. Мы открываем там еще один магазин, – не без гордости сообщил парфюмер.

– Надолго?

– Десять дней. Тео уехал во вторник, так что должен вернуться в... Дайте подумать... Следующий четверг.

– Во вторник? Значит, в среду вы были в магазине одни?

– Если не считать Салли, нашей уборщицы. Она приходит по утрам перед открытием.

Плохо. Присяжные не слишком поверят, что старик никогда не спутает по запаху человека. Но делать нечего.

– Мистер Кинн, в среду вечером к вам заходила леди Эвелин Гринберг?

– Ко мне постоянно заходят леди. Я плохо запоминаю их имена. Если бы вы могли сказать, чем от нее пахнет...

Она проскользнула рядом, пока он держал для нее дверь кэба. Под табаком Эвелин пахла летом: ягодами, сорванными украдкой в саду, и серебристыми охапками полыни, которую срезали под конец июля, сушили, раскладывали по холщовым мешочкам и развешивали в гардеробных. Каждый раз, доставая из шкафа пропахшее ею пальто, Виктор вспоминал детство и залитую солнцем веранду.

– Полынь, розовый перец и что-то из красных ягод. Смородина. Или малина, – заметив у Роберта на лице изумление, Виктор рассмеялся. – Не удивляйтесь, док. Запоминать детали – моя работа.

Мистер Кинн открывал ящики в высоком комоде. Виктор знал, что в каждом из них хранится бессчетное количество стеклянных колб: все ароматы, которые когда-либо создавал слепой парфюмер. Для каждого клиента – свой. Никогда не повторяющийся. Доставая то одну, то другую колбу, Кинн открывал каждую и вдыхал хранившийся в ней запах, подолгу прислушиваясь к себе.

– Полагаю, вы имели в виду эту леди, – найдя нужный аромат, мистер Кинн продемонстрировал его. Память не обманула Виктора: на этикетке значилось «Э. Гринберг». – Помню ее. Интересная молодая девушка. Пришла с одним оригинальным вопросом... Боюсь, я тогда немного увлекся разъяснениями; если

бы не часы на ратуше, задержал бы ее дольше приличного.

– Хотите сказать, она ушла от вас около восьми? – уточнил Виктор.

– Может, даже немного позже.

– И вы уверены, что это была именно она? – не удержался от вопроса Роберт.

Мистер Кинн не обиделся. Многие сомневались в его даре.

– Никаких сомнений. Глаза, уши... Все это может подвести. Но нюх, – парфюмер слегка постучал себя по носу, – не обмануть никогда.

За время, проведенное в магазине, на улице начал накрапывать холодный ноябрьский дождь. Виктор остановился на крыльце и полез в карман за сигаретами. Кузен встал рядом, с жадностью глотая свежий воздух.

– Алиби леди Эвелин выглядит довольно достоверным, – издалека начал он.

– Похоже на то, – откликнулся Виктор.

– Вы не выглядите разочарованным.

– Потому что я не разочарован. На что вы пытаетесь намекнуть?

– Я думал, вы были бы рады, пояись у вас возможность арестовать леди Гринберг. И, соответственно, не рады, не найдя для этого повод.

Виктор ухмыльнулся.

– Вы делаете из меня какого-то изверга. Я хочу узнать, какие секреты она утаивает, а не бросить ее за решетку. И я говорю не про дело барона, – предупредил он вопрос. – Скорее про то, что заставляет ее раз за разом делать странный для нормального человека выбор.

– Если вы про фальшивую помолвку, то мне ее аргументация показалась вполне адекватной, – Роберт тоже достал портсигар. – Некоторые люди не мечтают о семейном счастье. На мой взгляд, в таком случае фиктивные отношения лучше созданных со скрытыми намерениями.

– Такие люди являются отклонением от нормы. А любое отклонение имеет причину.

– Вы преувеличиваете, – решил поспорить кузен. – Я, к примеру, не имею никакого желания вступить в брак, и никаких причин у меня нет.

Виктор с любопытством на него покосился. Он в самом деле так считал?

– Вы убеждаете себя в этом, потому что боитесь после женитьбы выяснить, что вы такой же тиран, как ваш покойный отец. Не обижайтесь, Роберт, об этом может догадаться любой, кто хотя бы слышал об Уильяме Альтманне. – Ответом Виктору послужило оскорбленное молчание. – Но поскольку леди Гринберг не является вашей сестрой, у нее должна быть другая причина.

Уличные часы пробили двенадцать. Затоптав окурок, Виктор повернулся к кузену:

– У нас есть полчаса до времени, назначенного нам мистером Коппингом. Заглянем кое-куда по дороге к нему?

– Куда?

– В городской храм. Мистер Ченг сказал, что барон жаловался на размер храмовых сборов. Посмотрим, не скажут ли там, кому лорд Фрейбург поклялся в вечной любви и верности.

Глава 8

Эйзенхарт

В первую очередь главный городской храм предназначался тем, чьи духи-покровители жили на земле. Для тех, кто парил в небесах, на самом высоком месте Гетценбурга город построил Птичий павильон, а у холоднокровных было свое святилище возле реки. Впрочем, Виктор не видел в них разницы.

Считается, что, когда в зал входит отмеченное духом дитя, вырезанные из обсидиана на стенах храма тотемы оживают. За Виктором они лишь следили с неодобрением и затаенной враждебностью.

– Что вы здесь делаете? – раздался под сводом купола возмущенный окрик.

Виктор дернул плечом: мало ему давящей атмосферы. Второй причиной, по которой он избегал храмов, были дрозды. Вечные служители духов, стоявшие одной ногой на мосту между мирами. Считавшие само существование Виктора оскорблением.

– Вы! – подошедший жрец практически ткнул Виктора в грудь костлявым пальцем. – Что вы здесь делаете?

– Пришел помолиться, понтифик[7 - В данном случае – вежливое обращение к любому жрецу.]. Что еще?

Неприязнь была обоюдной. Краем глаза Виктор заметил взгляд кузена: удивленный, изучающий. Наверняка Роберт гадал, чем вызвано такое отношение.

– Убирайтесь отсюда, – прошипел жрец.

– Это общественный храм, в котором может находиться любой желающий. Особенно, – Виктор скучающе продемонстрировал прикрепленный ко внутреннему карману пальто значок, – если этот желающий из полиции.

– Вы не имеете права!

– Я имею полное право, – заверил его Виктор. – Барон Фрейбург убит. Мне нужно знать, был ли он женат, и, если был, кто является его вдовой.

– Я ничего вам не скажу.

В самом деле? Казалось бы, даже у религиозных фанатиков должны оставаться зачатки благоразумия...

– В таком случае завтра я приду сюда с ордером на просмотр храмовых книг и обыск всех помещений. Который проведу собственноручно.

Служитель побледнел. Угроза возымела действие. Меньше всего дрозд хотел пускать Виктора в святая святых.

– Мне нужно время на проверку документов.

Виктор сомневался, что открыть книгу и пролистать последние месяцы так уж тяжело и займет больше десяти минут. Но не мог же многоуважаемый понтифик сдаться без боя.

– У вас оно будет, – пошел Виктор на уступку. Слишком сильно давить на жрецов все-таки не следовало. – Надеюсь, выходных вам для этого хватит? Пришлете копии до понедельника. И еще кое-что. – Виктор склонился к уху жреца, игнорируя, как дрозд дернулся от отвращения. – Я хочу увидеть метрику леди Эвелин Гринберг.

– Ее отцу это не понравится, – пробормотал жрец, подтверждая его подозрения.

– Все-таки ордер? А мне казалось, мы договорились. Жду посыльного от вас в понедельник. А теперь позвольте избавить вас от моего присутствия, – Виктор приподнял шляпу в знак прощания. – Пойдемте, Роберт.

Он ожидал, что кузен задаст вопрос сразу, как только они выйдут из храма. Но тот молчал. Пришлось Виктору самому начинать разговор:

– Гадаете, что я натворил?

– Пытаюсь понять, кто является вашим покровителем. Обычно это довольно легко угадывается...

Виктор метнул на него внимательный взгляд. Кузен оказался пронизательнее, чем он сначала решил. Во всяком случае, формулировку подобрал верную.

– Никто. Я бездушник.

– Простите?

– Бездушник, – повторил Виктор. – У меня нет покровителя. Нет души. Нет судьбы.

Он посмотрел на выбитую над входом надпись. «Габе и Лос». Дар и судьба, две основы жизни каждого в этом мире. Кроме него. У нормальных людей Судьба определяла, что с ними случится. Сплетала их путь еще до рождения, и духи, глядя на эти пути, выбирали, кого одарить и взять под свою защиту. Выбирали подобных себе: отсюда появилось понятие инклинации, позволявшее по духу-покровителю определить склонности человека. Выбирали и подтверждали свое покровительство на церемонии имянаречения в храме.

Судьбу Виктора Лос сплести забыла.

– В день моего имянаречения ни один из духов не признал меня, – продолжил он. – У меня нет дара. Нет защиты. Когда я умру, я не воскресну и не попаду в мир духов. Я исчезну. Родись я пару веков назад, меня бы убили как ворона: помните поверье, что Лос не любит бездушников, и потому они притягивают несчастье? Но мне повезло, так что всего-то нужно перетерпеть их крики, когда приходится сюда зайти. У дроздов я как бельмо на глазу.

– И вы в этом так легко признаётесь? – вырвалось у Роберта.

Судя по выражению лица кузена, он сам был не рад, что задал вопрос.

– Все в курсе. Старший сын начальника полиции герцогства! На церемонию тогда собралась вся местная пресса. Только вы не знали, вы же не местный, – не удержавшись от соблазна, Виктор похлопал его по плечу. – Выше нос, Роберт! Я не болен и не умираю. Взгляните на это с другой стороны: что бы вы ни сделали, ваша жизнь уже написана Лос. Я свою судьбу пишу сам.

Глава 9

Эйзенхарт

В особняке на Парковой аллее их встретил сам мистер Коппинг. Высокий статный мужчина проводил их в модно обставленную гостиную и теперь ходил кругами по комнате. Кончики его пшеничных усов горестно повисли, и всем своим видом он выражал страдание.

– Это такая трагедия... Я узнал о смерти Ульриха только вчера, когда вы прислали записку... Газеты почему-то не написали об этом...

– Из-за расследования мы пока не хотим афишировать обстоятельства его смерти, – подтвердил Виктор.

Он знал этот тип людей. Знал и не любил. Под утонченной, капризной даже красотой скрывались житейская сметливость и нюх на выгоду. Мистер Коппинг мог нервно заламывать руки, но смерть барона волновала его только потому, что могла нанести урон его репутации.

– Подумать только, в тот день мы сидели в этой самой гостиной... Если бы я только знал! Я бы ни за что не отпустил его...

– Вы видели лорда Фрейбурга в среду?

– Он заглянул ко мне около семи, – рассеянно сообщил мистер Коппинг, вертя в руках каминные часы. – Миссис Роджерс! Велите подать господам чаю!

Неслышно появившаяся в дверях гостиной домоправительница так же тихо удалилась.

– Вы договаривались с ним о встрече?

– Да, мы собирались обсудить скачки. На следующей неделе начинается новый сезон... Если бы я только знал!..

Мистер Коппинг упал в кресло и в отчаянии обхватил голову руками. Виктор молча ждал, отказываясь участвовать в представлении.

– Простите, никак не соберусь... Ульрих был для меня как брат, которого у меня никогда не было, и потерять его...

– Это большая утрата, – повторил заученную фразу детектив. – Но все же, если вы сумеете ответить на несколько вопросов, вы сможете найти его убийцу.

– Разумеется, разумеется, – мистер Коппинг потер покрасневшие глаза и крикнул: – Миссис Роджерс, когда уже будет этот проклятый чай?!

Он снова встал и подошел к камину.

– Что вы хотели узнать?

– Вы сказали, что барон Фрейбург был у вас в среду. Во сколько он ушел от вас? – начал Эйзенхарт.

– Не помню... Может быть, около восьми? Уже стемнело и начался ливень, если это вам поможет.

– Дождь пошел в половине девятого, – подал реплику молчавший до того Роберт.

Виктор кивнул.

– Он говорил, куда собирается направиться после этого?

– Нет. Я предложил ему остаться в гостевой спальне, но он сказал, что у него еще назначена встреча на девять.

– Вы часто предлагали ему подобное?

– Да. Ульрих... – мистер Коппинг замялся. – У него были некоторые проблемы финансового плана... Иногда у него случались недоразумения с домовладельцами... И не только.

– И вы таким образом помогали ему?

– Да.

– Но не предлагали ему деньги напрямую?

Мистер Коппинг отвлекся от статуэтки пастушки и поднял глаза на Виктора.

– Вы намекаете, что Ульриха убили из-за долгов, и в случившемся есть и моя вина? Потому что я не помог другу, когда тот во мне нуждался? – его взгляд потемнел. – Возможно, так и есть. Мы дружили с Ульрихом, но я ничем больше не мог ему помочь. Мой отец способен вытерпеть сына-бездельника, развлекающего себя мыслями о том, что его стихи когда-нибудь оценят по достоинству. Но если бы я начал давать Ульриху в долг, который, как мы все знаем, он бы никогда не вернул, отец прекратил бы меня содержать.

В комнате воцарилось молчание. Атмосфера в гостиной изменилась, мистер Коппинг отстранился. Весь его вид говорил о неприязни и недоверии.

– Барон Фрейбург говорил, с кем собирается встретиться после разговора с вами?

– Нет.

Холодный тон мистера Коппинга указывал, что тот не собирается больше откровенничать с полицией. И был бы не против получить извинения. Не от Виктора. Постучав карандашом по листу с записями, тот сменил тактику:

– Мистер Коппинг, мне очень неприятно говорить об этом, но кто-то подмешал в питье вашему другу снотворное и, пока он находился без сознания, отпилил ему голову. Еще живому. – Не обращая внимания на то, как меняется от его слов цвет лица мистера Коппинга, Виктор продолжил: – После этого кто-то сбросил тело барона в реку. Мы до сих пор не знаем, каким образом убийца избавился от

головы: ее не нашли. Возможно, она все еще в реке, и лицо барона служит теперь кормом для рыб. Поэтому, как бы вы ни относились ко мне и моим вопросам, если вы считаете барона Фрейбурга своим другом, ваш долг – помочь нам найти его убийцу.

Тактика – правильное соотношение пафоса и тошнотворных для нежных творческих натур деталей – сработала. Несмотря на сквозившее в его голосе презрение, мистер Коппинг соизволил ответить.

– Когда Ульрих упомянул о встрече, мне показалось, – неудачливый поэт помедлил, – что здесь замешана дама, если вы понимаете, о чем я...

Еще бы она не была замешана. Виктор мрачно подумал об одной конкретной даме, сероглазой и насквозь лживой.

– Леди Гринберг? – спросил Эйзенхарт.

Мистер Коппинг снова замкнулся в себе.

– Как вы знаете, Ульрих с ней обручился, – сообщил он.

– Мы также знаем, что барон Фрейбург не был большим поклонником моногамных отношений, – отозвался Виктор. – Если вы скрываете что-то в попытке сохранить его репутацию, то делаете только хуже.

– Я ничего не скрываю.

– Но не думаете, что барон планировал встретиться в среду вечером с леди Гринберг.

Выражение лица мистера Коппинга подтвердило предположение Виктора.

– Мне неизвестно, с кем собирался встретиться Ульрих тем вечером. Возможно, и с леди Гринберг. В конце концов, нет ничего странного в свиданиях между людьми, которые собирались пожениться...

– Но вы сомневаетесь в этом.

– Да, сомневаюсь. Леди Гринберг, безусловно, очаровательна. – Судя по виду, мистер Коппинг сомневался в этом так же, как и Виктор. – Но я всегда думал, что для Ульриха она была только кошельком. Способом оплатить долги.

Коппинг остановил свой рассказ, когда в гостиную вошла служанка с нагруженным подносом.

– Почему вы так считали?

– Когда Ульрих рассказал о помолвке, я очень удивился. Эвелин не в его вкусе, он всегда предпочитал женщин другого типажа. Но, полагаю, деньги остаются деньгами независимо от того, как выглядит их обладатель.

– Какие женщины нравились барону?

Хозяин дома пожал плечами.

– Блондинки. Такие, знаете... – он провел в воздухе волнистую линию, напоминающую очертания женской фигуры. – Где есть на что посмотреть. Сколько себя помню, его привлекали такие.

Звон разбившейся посуды заставил Виктора отвлечься от записей. За время беседы горничная успела расставить на кофейном столике чашки. Одна из них лежала неровной горкой фарфора на оттоманском ковре.

– Миссис Роджерс!

Покраснев от злости, Коппинг позвал домоправительницу. Виктор же продолжал смотреть на девушку, опустившую глаза в пол и вздрагивавшую от страха. Светлые волосы закрывали лицо, а форменная одежда не льстила фигуре, но даже так она была красавицей. И внешность ее относилась к тому самому, описанному Коппингом типу.

«Пресвятые заступники, – с тоской подумал Виктор, – что же вы так плохо защищаете своих детей?»

Неудивительно, что никто ему не ответил. Духи вообще предпочитали не замечать его существования.

Пока домохозяйка распекала служанку, а с ковра сметали осколки, разговор прервался. Когда беспорядок был ликвидирован, мистер Коппинг вновь повернулся к посетителям.

– Прошу прощения за этот конфуз, – в его голосе слышалось раздражение. Все-таки Виктор не ошибся в оценке. – В наше время так сложно найти нормальных слуг. Последняя приличная, если в наши дни еще можно так сказать о прислуге, горничная уволилась пару месяцев назад, и с тех пор агентство присылает таких... – он взмахнул руками. – Боюсь, скоро придется убрать всю мало-мальски ценную посуду, иначе ее лишусь. Понятия не имею, где их обучают...

Заметив, что третью чашку взамен разбитой так и не принесли, мистер Коппинг опять позвал домоправительницу, нажав на висевшую у камина сонетку.

– Миссис Роджерс! Ради духов, разлейте хоть вы этот проклятый чай! И позвоните в агентство, скажите, чтобы прислали новую девушку!

– Вы говорили, что сомневаетесь, будто у барона была назначена встреча с леди Гринберг в вечер среды, – напомнил ему Виктор.

– Ах, да. Но это только мои подозрения. И все равно я не знаю, кто это мог быть кроме нее.

– Вы не разговаривали с ним на эту тему? Многие любят обсуждать с приятелями свои связи.

– После его помолвки это было бы неловко, как вы понимаете.

Последняя часть фразы должна была указать на то, что мистер Коппинг сомневается, способен ли Виктор уловить подобные тонкости этикета. Куда ему.

– Тем не менее он не упоминал в последнее время никаких имен? Женских имен.

Впрочем, учитывая манеры мистера Коппинга, мужские имена Виктор не стал бы исключать.

Коппинг ни на секунду не задумался.

– Только одно. Мари.

– Когда вы впервые его услышали?

– В последний месяц, пожалуй. Не помню точно.

– И вы не спрашивали его, кто это?

– Зачем? – он удивленно посмотрел на Виктора. – Очевидно, что речь шла о леди Гринберг.

– Прошу прощения, – встрял в разговор Роберт. – Разве леди Гринберг зовут не Эвелин?

– Ее полное имя – Мария Доротея Эвелин Гринберг, – пришлось Виктору пояснить. – Я не слышал, чтобы ее так называли, но барон Фрейбург вполне мог сократить ее имя подобным образом.

– Я могу рассказать вам еще что-то о том вечере, детектив? – поняв, что неловкая тема осталась позади, Коппинг повеселел.

Вряд ли. Что там могло быть еще? Стакан виски, обсуждение лошадей, поданный слугой плащ.

– Расскажите лучше о самом бароне. Насколько я понимаю, вы хорошо его знали? – Снова прочитав на лице Коппинга, что он лезет не в свое дело, Виктор добавил: – Это не праздное любопытство. Иногда знание личности жертвы становится ключом к разгадке. А вы очень проницательны...

Грубая лесть подействовала.

– Мы с Ульрихом выросли вместе... – нехотя начал Коппинг. – Мой отец купил в свое время земли по соседству с замком Фрейбург. Он до сих пор живет там, когда дела не зовут его в город. Мать Ульриха не была рада продаже этих земель, и тем более тому, что их купили люди без титула, но у нее не было выбора: баронат не приносил денег. Со временем она свыклась с нашим присутствием. Стала даже наносить нам визиты. Держалась, будто не баронесса, а герцогиня!..

– Тогда вы подружились.

– Да. Во Фрейбурге Ульрих был единственным ребенком. Полагаю, поэтому баронесса разрешила наше общение. К концу первого лета я стал проводить в замке больше времени, чем у нас дома. Мы облазили его сверху донизу, – усмехнулся воспоминаниям Коппинг. – Искали на чердаках привидений... Фрейбург, знаете ли, был ужасно заброшен. Такой простор для воображения! Нам казалось, что в каждом углу, за каждым гобеленом прячется если не сундук с потерянными сокровищами, то какой-нибудь призрак, пылающий жаждой мести. Глупо, конечно... Но для детей это было удивительное место. Потом наступила осень, и нас разослали по школам. А на зимние каникулы мой отец пошел на ответную услугу и пригласил Ульриха к нам в городской дом. С тех пор мы были неразлучны.

– Каким он был?

– А какими бывают дети? – ответил вопросом на вопрос Коппинг. – Непоседливым. Любопытным. Совершенно задавленным своей матерью, но я его не виню. Леди Фрейбург была совершенно ужасным существом, да упокоится она в мире духов. Постоянно несла что-то о титуле и долге, который он с собой несет. О том, как должен вести себя барон, о предках, чье имя Ульрих ни в коем случае не должен посрамить, о том, как Фрейбурги правили этой землей какое-то несметное количество веков, и прочий архаичный бред. Как будто там было чем править! – Коппинг издал сухой смешок. – Не говоря о том, что времена феодалов, которые обязательно должны наплодить побольше сыночков для поддержания династии, давно миновали.

– Значит, барон Фрейбург мало походил в детстве на того, каким был незадолго до своей смерти?

Мистер Коппинг незаинтересованно пожал плечами.

– Все мы взрослеем, детектив.

– Некоторые из нас не меняются настолько сильно, – возразил Виктор. Про себя он был уверен. Хотя Луиза на это сказала бы, что он просто не повзрослел... – Когда это случилось? Была какая-то особая причина?

– Боюсь, не смогу вам сказать. После школы я отправился в саббатикал[8 - Длительный отпуск. Также может означать год перед поступлением в высшее учебное заведение либо между выпуском из высшего учебного заведения и поступлением на работу, в том числе потраченный на путешествия с целью получения нового опыта и знакомства с другими культурами.] и провел около двух лет на материке. Когда вернулся... Скажем так, к тому времени Ульрих стал тем человеком, который вам известен.

– Вас это не удивило? Вы никогда не спрашивали, что с ним случилось за эти два года?

– Нет и нет, детектив. Я могу быть вам еще чем-то полезен?

Коппинг явно давал понять, что разговор окончен.

– Сколько слуг работает в вашем доме?

Вопрос заставил хозяина в удивлении остановиться.

– Я хотел бы с ними поговорить, – пояснил Виктор. – Если вы часто приглашали барона Фрейбурга, они могли что-то знать о нем. Возможно, кто-то из них владеет информацией, которая помогла бы расследованию.

– Сильно в этом сомневаюсь, но... – Коппинг махнул рукой. – У меня работают миссис Роджерс, домоправительница; кроме нее, кухарка, горничная и мой камердинер. К сожалению, вам не удастся опросить их всех. Кухарка недавно сломала ногу, агентство как раз подбирает замену, – он потемнел лицом. – Право, с этими слугами такая морока!

А уж с хозяевами... Виктор выдавил из себя положенные в этом случае слова сочувствия. Кивнув, Коппинг дернул за шнур сонетки и велел миссис Роджерс помочь. Вскоре Виктор оказался за кухонным столом. Напротив сидели миссис Роджерс, мистер Малкольм Тейт, тот самый камердинер, которого Виктору не довелось увидеть раньше, и горничная со все еще красными щеками.

– Что бы вы могли сказать о бароне Фрейбурге? – переписав их имена в блокнот, Виктор начал с простого.

Ответила за всех экономка, занимавшая благодаря должности и характеру главенствующую позицию:

– Он был другом хозяина.

Сухопарая дама неодобрительно посмотрела на Виктора, всем своим видом показывая, что больше ей нечего сказать. Несмотря на приказ хозяина отвечать на вопросы полиции, она явно не собиралась раскрывать секретов.

– Кто-нибудь из вас говорил когда-либо с ним?

– Барон Фрейбург был из другого класса, мистер...

– Эйзенхарт, – подсказал ей Виктор.

– У него не было никакого резона общаться со слугами, если только ему что-то не требовалось. Но едва ли это можно назвать разговором.

Горничная попыталась заикнуться о чем-то, но миссис Роджерс смерила ее суровым взглядом.

– При всем моем уважении, нам совершенно нечего сказать о бароне полиции. Кроме того, что барон был настоящим джентльменом.

Эйзенхарт задумчиво посмотрел на нее и согласился. Иного она сказать не могла. Повезло Коппингу с домоправительницей...

– Что насчет вашей кухарки?

– Миссис Симм? Она сейчас у родных в деревне, мистер Коппинг был настолько добр, что не стал ее увольнять. Там она сможет получить достойный уход и лечение.

– Я бы хотел допросить ее тоже.

– Уверяю, она ничем не сможет вам помочь, – оскорбленно произнесла домоправительница.

– Верю, – Виктор обезоруживающе улыбнулся пожилой женщине. – Но мое начальство должно знать, что расследование проводилось добросовестно.

– Я дам вам ее адрес, – отозвался камердинер. Покопавшись в кухонном шкафу, он достал адресную книгу и переписал из нее данные.

Хорошо. Иначе пришлось бы писать запрос в агентство, а переписка потребовала бы времени. Попрощавшись со слугами, Виктор предпочел выйти через черный ход. Завернул за угол, не просматривавшийся из окон, и остановился, закуривая.

– В чем дело? – не удержался от вопроса Роберт. – Разве нам куда больше не нужно?

Виктор хитро улыбнулся.

– Терпение! Не думал, что вы так увлеклись.

За спиной раздался цокот каблучков, и девичий голос позвал Виктора:

– Сэр! Подождите!

– Я хотел поговорить с ней без миссис Роджерс под боком, – объяснил Эйзенхарт кузену. – Потому забыл у Коппинга шляпу. А она, умница, вызвалась меня догнать, – он обернулся к настороженно остановившейся девушке. – Лиза, не так ли?

– Да, сэр, – она сделала неловкий книксен.

– Вы хотели что-то сказать там, на кухне. Что?

– Он ведь все равно меня уволит? – девушка смотрела прямо, ожидая честного ответа.

– Мне очень жаль.

Она вздохнула.

– Так и думала. Никто после Этты у него не задерживался. А я мало того, что перед гостями опозорила, так еще вторую чашку за день разбила.

Ее кончик носа покраснел, словно она собиралась заплакать.

– Друг хозяина, барон Фрейбург, он... не был джентльменом, – она с трудом подбирала слова, будто ей было неловко говорить на эту тему. – Он... хотел от горничных большего.

Вечная, но от того не менее грязная история.

– Он приставал к вам?

– Да, – еле слышно прошептала Лиза, сжимаясь от страха. Румянец на ее щеках проступил сильнее. – И не только ко мне. Предыдущая служанка рассказывала. Она из-за этого сама ушла, не стала дожидаться, пока хозяин уволит.

– Как ее звали?

– Анни.

Не Мари. Жаль, было бы проще.

– Мистер Коппинг часто увольняет горничных? – спросил Виктор.

– В последние месяцы – да. В агентстве ходят слухи, что чуть ли не шестеро с Этты сменилось. Это включая меня, сэр.

– Кого-нибудь из них звали Марией?

– Не знаю, сэр. Вам нужно спросить в агентстве. – Предвещая вопрос, она продолжила: – «Эдвардс и Харпер», сэр. Это у Семи Лестниц.

– А Этта? Откуда вы о ней знаете?

– Миссис Симм рассказывала. Она ее порекомендовала хозяину, все жалела, что та ушла. Они с ней сработались, как-никак не один год вместе прослужили.

– Миссис Симм не упоминала, из-за чего она уволилась? Возможно, что тоже из-за барона?

– Нет, сэр! Этта собиралась замуж, то ли за бакалейщика, то ли за зеленщика. Миссис Симм все переживала, что из господского дома да в жены торговца, вот я и запомнила, – Лиза горько усмехнулась.

Будто это было хуже жизни бесправной служанки.

– Спасибо, – поблагодарил ее Эйзенхарт и, покопавшись в карманах, выудил визитную карточку. Написал на обратной стороне адрес. – Возьмите. Если будут проблемы с поиском работы, обращайтесь, – протянул он ее девушке, но наткнулся на недоверчивый взгляд исподлобья. – Это моя мать. Она леди и не причинит вреда даже мухе, не то что человеку. Если она не сможет принять вас на работу, найдет хорошее место.

Проследив, как Лиза вошла в дом, Виктор втоптал очередной окурок в лужу и запрокинул руки за голову.

– И ни одной зацепки до сих пор! Если не считать еще нескольких фактов, которые можно трактовать против вашей дражайшей леди Гринберг.

– Вы продолжаете думать, что это она убила барона? – откликнулся Роберт.

Рыцарь в змеиной шкуре, готовый броситься на защиту дамы. Виктор улыбнулся своим мыслям.

– Нет, хотя не отрицаю такой вероятности. На самом деле я бы сказал, что рассказ Коппинга скорее в ее пользу. Во-первых, имя Мари. Коппину было неизвестно о соглашении между леди Эвелин и бароном, но, если леди Эвелин нас не обманула, сомневаюсь, что барон стал бы называть ее ласковыми именами. Во-вторых, время свидания. Женщине круга леди Эвелин гораздо удобнее назначить тайное свидание с пяти до семи, когда ей положено наносить визиты или прогуливаться по магазинам и ее отсутствие пройдет незамеченным. Девять часов обычно выбирают женщины, которые не будут против, если кавалер останется у них на ночь.

– Поэтому вы собираетесь искать таинственную Мари среди уволившихся служанок? – с сомнением уточнил Роберт.

– Должен же я с чего-то начинать. Я не могу спросить каждую Мари в Гетценбурге, спала ли она с бароном и не с ней ли он собирался встретиться перед смертью.

– Знаете, что меня беспокоит? – начал кузен, выходя за Виктором на Парковую аллею. – Все следы до сих пор вели к женщинам: сначала к леди Гринберг, теперь к этой Мари. Женщина могла обезглавить барона, но мне трудно представить, что бы она сделала с ним дальше. Дотащить труп до реки, а тем более довезти – как бы она это провернула?

Только с помощью сообщника. Которого требовалось отыскать.

– Верно, выглядит пока не слишком правдоподобно, – согласился Виктор. – Но, возможно, ей не пришлось его куда-то везти. Помните, что у нас сегодня осмотр достопримечательностей? Продолжим нашу экскурсию на пленэре?

Виктор выступил на проезжую часть и замахал извозчику.

Реддингтон-парк располагался на границе старого города и района, находившего свое место в разговорах приличных людей только как «тот берег». Берег трущоб и работных домов, берег бездомных и наркоманов, берег коптящих фабрик и мусорных свалок. И все это благолепие отделяли от остального Гетценбурга лишь река и узкая полоса болотистой почвы, названная в честь генерала Реддингтона. Виктор бы и не вспомнил сейчас, за какие подвиги беднягу так ославили. Городские власти делали все, что могли, пытались облагородить парк, но бесполезно. Из-за почвы мощеные тропинки проседали, из фонарей кто-то опять выкрутил лампы, а в воздухе висел неповторимый фабричный аромат.

– Специфическая обстановка, правда? – спросил Виктор, ковыряя набережную носком ботинка. Один из камней в брусчатке зашатался, поддаваясь.

В одном месте заросли камышей кто-то поломал, земля была испещрена следами ботинок.

– Здесь нашли тело барона? – угадал кузен.

Виктор кивнул.

– Вы не увидите в тумане, но за деревьями находится мост. В народе его давно прозвали Мостом утопленников. В центре в воду не прыгнешь – решетки, высокие ограды, да и полицейские патрули часто ходят. Здесь ничего и никого нет. Потому идут сюда что с этого берега, что с того. Проигравшиеся картежники, нищие, понимающие, что еще одну зиму не протянут, страдающие из-за несчастной любви романтические особы, постаревшие проститутки, которых сводник выкинул из борделя, неизлечимо больные, наркоманы... Все надеются, что обретут покой на дне реки, а вместо этого мы вылавливаем их в камышах. У Таллы темперамент коровы на выпасе, все к берегу пристают. Но не хотелось бы, чтобы вы ободрялись, Роберт, – предупредил Виктор. – Как говорится, тихие воды глубоки и полны опасностей. С тихими провинциальными городами – так же.

– Не понимаю, о чем вы.

Разумеется. Виктор бы удивился, признайся кузен, что прекрасно знает, о чем речь.

– Просто подумал, что Гетценбург должен сильно отличаться от вашего обычного места жительства. Было бы жаль, если бы вы попали в неприятности только из-за того, что неправильно оценили его. – Виктор улыбнулся, разряжая атмосферу. – Тело барона вытащили из реки здесь, но я привел вас сюда не за этим. Тут все осмотрели, нам искать нечего. Но я обещал вам место преступления, помните? Благодаря вам я его, кажется, нашел.

К парапету жались стеклянные футляры с зажженными свечами. К одному из них кто-то прислонил фотографию молодой девушки с перьями в волосах. Под ногами хрустели зерна овса: дань Дрозду, чтобы облегчить умершему переход в мир духов. Мечущиеся под стеклом огоньки постепенно терялись в окутывавшем вторую половину моста смоге; все отчетливее среди дыма и химикатов чувствовался другой, тошнотворно-сладковатый запах.

– Сигарету, док? – предложил Виктор, доставая из кармана пачку.

Приправленный вишней табак на некоторое время заглушил вонь. Кузен, впрочем, все равно старался не вдыхать полной грудью. А ведь, казалось бы, война должна была его приучить...

– Что находится за мостом? – спросил он в перерывах между вдохами.

– Большие шлахтгаусы. Последняя скотобойня, оставшаяся в черте города. К сожалению, она же самая старая. Держитесь, скоро станет легче.

Обогнув стену из кое-как нагроможденных камней, Виктор двинулся по набережной к подъездным воротам.

– Полиция, – постучал он в небольшую дверь рядом с ними. – Открывайте.

Привратник, худой лупоглазый парень, посторонился и пропустил их внутрь. Вид у него был настороженный, как и у рабочего-синду, стоявшего рядом.

– Мне нужно видеть управляющего, – потребовал Виктор, показывая им полицейский значок. – Скажите ему, что это срочно.

Во внутреннем дворе дышалось легче – видимо, теперь они находились не с подветренной стороны. К вечеру людей оставалось немного, только пара рабочих в запачканных фартуках курила на крыльце одного из зданий, и синду, отошедший к машине-холодильнику, изредка поглядывал на посетителей из-под густых ресниц.

– Мистер Глет примет вас.

Сбегавший доложить сторож вернулся. Испуганный – должно быть, влетело от начальства. Просто за то, что принес дурные вести. Стараясь ничего не касаться, Виктор последовал за ним.

В кабинете управляющего было душно и сильно пахло мужским одеколоном. Виктор поморщился: похоже, чтобы избавиться от вони, тот выливал на себя не меньше пузырька в день. Хотя мало кто мог его за это винить: любой предпочел бы духи стоявшему на скотобойне смраду.

– Вы! – с ходу накинулся на них толстяк в дешевом костюме-тройке. – Как вы смеете!

Жаль, на Виктора это не действовало. Слишком многие за двенадцать лет его службы пытались требовать чего-то от полиции.

– В чем, собственно, дело? – спокойно поинтересовался он. – У вас какие-то претензии?

– Претензии?! Мы сообщаем вам о краже, а что делает наша доблестная полиция?

– Что? – Виктору даже стало любопытно.

– Ничего! Проходит три дня, и наконец полиция заваливается ко мне и спрашивает, какие у меня претензии! – круглый человечек кипел от возмущения.

Три дня? А вот это уже интересно.

– Кража произошла в среду?

– В ночь со среды на четверг, – подтвердил управляющий и вновь взорвался: – Будто вы это сами не знаете!

– Не знаем. Мы из другого отдела, – Виктору опять пришлось продемонстрировать значок. – Есть основания полагать, что на вашей территории произошло убийство.

– Убийство?! – управляющий поперхнулся. – Ничего подобного! Такого у нас не происходило! Почему вы...

– Мы считаем, что жертву обезглавили одной из ваших пил, – перебил его Виктор.

Мистер Глет спал с лица.

– В среду... Нас обокрали... Вскрыли шкаф с инструментами... – запинаясь, он достал из нагрудного кармана платок и начал промокать лицо.

– У вас есть список украденного?

– Сейчас... Мы напечатали три экземпляра... Один в полицию... Один в страховую компанию... Один остался у нас...

Виктор забрал протянутый управляющим список, неровно отпечатанный на машинке. Четыре пилы, два тесака, ножи... Баранья туша и касса с дневной выручкой. За последним пунктом все выглядело довольно случайным, будто взяли для отвода глаз.

– Сколько денег было в кассе?

– Немного, десять шиллингов с мелочью, – уверившись, что в убийстве его больше не обвиняют, управляющий почти пришел в себя. – Все деньги, поступившие до пяти часов, я завожу в банк по дороге домой. Если водитель не

успевает развезти все заказы и вернуться до этого времени, он оставляет полученную плату и квитанции в моем кабинете.

Виктор кинул еще один взгляд на список.

– Значит, вы обнаружили пропажу всего этого в четверг утром?

– Так точно, детектив.

– Разве территория по ночам никак не охраняется?

Мистер Глет смутился.

– Боюсь, на это нам не хватило бы денег. Да и не нужно это, – горячо заверил он Виктора, – за всю мою работу здесь не было ни одного происшествия, кроме этого. У нас есть привратник, он приходит к шести утра и уходит в полночь.

– Он ничего не видел?

– Только развороченные замки утром, и сразу же вызвал меня.

Странно. Что там говорил Роберт о времени смерти?

– Мне понадобится допросить его, – сообщил Виктор управляющему.

– Разумеется, – подобострастно согласился мистер Глет. – Это тот самый человек, что привел вас. В ту ночь была его смена. Что-нибудь еще?

Виктор повернулся к кузену.

– Скорее всего, барона убили прямо в шлахтгаусе, где лишнее пятно крови не обратит на себя внимание. Мы можем как-то доказать это?

– Нет, – покачал Роберт головой. – Современная наука способна дифференцировать человеческую кровь и кровь животных по размеру кровяных телец, но этот метод работает только на свежих образцах.

Жаль. Но иначе было бы слишком просто, правда?

– В таком случае больше ничего, мистер Глет. Но если вы вспомните что-то еще, буду вам крайне признателен.

Виктор отдал управляющему визитную карточку, прежде чем выйти во двор.

– Эй, – позвал он сторожа. – Как тебя зовут?

Парень подошел, испуганно поглядывая то на Виктора, то на прячущегося за стеклами очков змея.

– Джек Нолби, сэр.

– В ночь со среды на четверг была твоя смена?

– Да, сэр.

– И ты первым увидел следы взлома?

– Да, сэр. – Ответы его не отличались оригинальностью. – Ворота были открыты, я сразу побежал в «Три метлы», это кабак рядом, и позвонил оттуда господину Глету.

– Что сделал мистер Глет по прибытии?

– Наорал на меня, сэр, – Джек неуверенно улыбнулся. – Потом вместе со мной прошелся по бойне, проверил, что пропало.

– И отправил кого-то за полицией, верно?

– Да, сэр. Меня и Сэма, он как раз приехал.

– Сэма?

Сторож подозвал синду, все еще копавшегося в грузовике.

– Тебя действительно зовут Сэмюелем? – уточнил Виктор, оглядывая его с ног до головы. – Странное имя для чистокровного синду.

Тот белозубо улыбнулся.

– Саиб[9 - Господин.] привез моих родителей из колоний. Я родился уже здесь, – сообщил он. В его речи причудливо смешивались местный акцент и по-синдийски растянутые гласные. – Можно сказать, что я больше имперец, чем синду.

– Что случилось с твоим хозяином, что ты оказался на скотобойне?

– Разорился, – синду равнодушно пожал плечами. – Хвала духам, что предки до этого не дожили. Но здесь даже лучше. Еще пара лет, и накоплю денег на гражданство.

– Ты работаешь водителем?

Синду кивнул.

– И это тебя управляющий послал за полицией в четверг?

В темных глазах появилась настороженность.

– Послал он Джека, а мне велел его отвезти. Чтоб быстрее обернулись.

Виктор посмотрел на обоих.

– И кому из вас пришла в голову идея не сообщать в полицию о краже? – медленно поинтересовался он.

Джек Нолби побледнел как мел.

– Мы сообщили в полицию. Нам сказали, что пришлют кого-нибудь, если у них будет время, – заявил Сэмюель, смерив Виктора насмешливым взглядом. – И вот вы приехали. Разве нет?

– Нет, – ответил ему Виктор. – Я думаю, все было иначе. Кто-то из вас решил по дороге, что будет лучше развернуться, не доезжая до участка, и отбрехаться тем, что полиция окончательно загнила, на преступления не реагирует, работать не хочет. В конце концов, все на это жалуются, верно? А второй согласился. Я хочу знать почему.

– У вас есть доказательства? – в почти безмятежном тоне синду с трудом угадывалось напряжение.

– Пока нет. Но когда я съезжу в районное отделение полиции, узнаю, что в книге посетителей ни один из вас не записан. И тогда у меня будут доказательства, а у вас – статья за соучастие в убийстве.

– Убийстве?! – прокудахтал вконец перепуганный Нолби. – Каком убийстве?!

– Украденные у вас инструменты использовались при убийстве, совершенном той же ночью, – вежливо пояснил Виктор. – Так что, будете стоять на своем?

Недолго думая, привратник вышел вперед.

– Вы правы, сэр. Мы не были в полиции. Сэм, – парень сглотнул, – прикрывает меня.

– Джек... – предостерегающе обратился к нему синду.

– Это я попросил его солгать про полицию, сэр, – храбро доложил Нолби.

– Зачем?

– В ту ночь... Сэм вернулся часов в восемь, да, Сэм? – Синду кивнул. – Мы были на бойне одни, смена заканчивается в шесть, господин Глет уходит еще раньше... Я предложил Сэму сходить пропустить по паре кружек в «Метлах».

– Вы не первый раз так делаете?

– Да, сэр. Я думал обернуться за час-другой, никто бы и не заметил, но...

– Но что? – спросил Виктор после паузы.

– Но он напился, – хмуро закончил Сэмюель. – Ради духов, Джек, если уж начал говорить, рассказывай все! – Он повернулся к Эйзенхарту и продолжил. От раздражения его речь ускорилась, и теперь по голосу его было не отличить от коренного лемманца. – Какая-то дура его бросила, и он решил, что это достойный повод. Через час его так развезло, что мне пришлось тащить его наверх...

– Я снимаю комнату над «Метлами», – вставил пунцовый от стыда Нолби.

– Ну, я бросил его на кровать и поехал к себе. Думал, проспится, утром завтра отопрет бойню, никто не узнает. А наутро – на? тебе!

И все же свои проделки им удалось от управляющего скрыть.

– Это все? – поинтересовался Виктор.

Парни кивнули.

– Я побоялся, что купы[10 - Куп, медяк – сленговое название полицейского в Лемман-Клив.] копать начнут, узнают, что меня той ночью на бойне не было, – признался привратник. – И не видать мне работы как своих ушей. Вот и уговорил Сэма подыграть мне, дескать, купы нас отшили. Ну кто мог подумать, что именно в эту ночь такое случится!

Виктор задумчиво согласился.

Действительно, кто...

Доктор

В понедельник дела забросили меня в городской морг. Проведя первую половину дня за осмотром невостребованных тел и отбирая среди них подходящие для танатологических экспериментов, я понял, что нахожусь в квартале от главного полицейского управления Гетценбурга. И решил заглянуть к Виктору.

Без проблем получив пропуск и найдя его кабинет, я с удивлением посмотрел на Эйзенхарта. На Викторе был все тот же костюм, в котором я видел его в субботу, лицо заросло двухдневной щетиной. Везде в комнате лежали архивные папки, на стул для посетителя почему-то поставили кружку с ободком от кофе, а идти приходилось крайне осторожно, чтобы не наступить на разложенные бумаги.

– Выглядите так, словно не покидали участок с тех пор, как мы виделись в последний раз, – поприветствовал я Эйзенхарта. – Разве у вас вчера был не выходной?

– Выходной? – рассмеялся Виктор. – Что это такое?

Он устало потер глаза и продолжил:

– В поселении беженцев случилась небольшая потасовка. Шестеро убитых, сорок человек в больнице, включая нашего присяжного переводчика. Бедняга словил нож в спину, все еще без сознания. И полсотни зачинщиков мы распихали по камерам. Держать их там дольше двух суток без допроса мы не имеем права, а переводчика из столицы пришлют только в среду. Так и живем, – Эйзенхарт хлебнул кофе из второй кружки и взглянул на меня более осмысленным взглядом. – А вы с чем ко мне пожаловали, Роберт?

– Думал пригласить вас на обед, – с сомнением протянул я. – Но, как вижу, я немного не вовремя...

Резкий скрип стула по паркетным доскам заставил меня поморщиться.

– Ни в коем случае! – заверил меня Виктор, поспешно натягивая пиджак. – Обед – это именно то, что нужно. Только... – он с сомнением ощупал свой подбородок. – Вы не будете против, если я покажу вам нашу столовую? Боюсь, у меня немного непрезентабельный вид для ресторана.

Я сомневался, что несвежую рубашку и щетину могли счесть приличным видом даже в здании управления, но предпочел промолчать.

– Есть новости по делу барона Фрейбурга? – спросил я вместо этого, когда мы закончили с горячим и обсудили положенные темы вроде отвратительной погоды и здоровья семьи Эйзенхартов.

– Если под новостями вы подразумеваете личность убийцы, то нет, мы его еще не нашли. – Эйзенхарт пододвинул к себе десерт.

В отличие от меня он отказался от кофе. Через минуту я понял почему.

– Возьмите лучше чай, он не так страшен на вкус, – сочувствующе порекомендовал Виктор. – Из храма не прислали вестей. Если с вечерней почтой ничего не придет, завтра наведаюсь к ним с ордером. Мы проверили девушек из агентства «Эдвардс и Харпер», но ничего не обнаружили: у всех есть алиби, отсутствует мотив, и ни одну из них не зовут Марией... Из горничных мистера Коппинга осталось найти только Этту – кстати, ее фамилия Дэвидсен. Миссис Симм, кухарка, прислала письмо с адресом, но Этта давно съехала оттуда. Поиски, судя по всему, затянутся: в Гетценбурге проживает десяток ее полных тезок, а еще Анетты, Генриетты, Алуетты, Бернадетты, Розетты и прочие. Районный отдел занимается поиском свидетелей по делу о краже со взломом, но, насколько я знаю, пока безрезультатно. Управление также объявило о смерти барона и предложило плату за сведения о последнем вечере его жизни, но никто не спешит нам помогать. Если в ближайшее время не случится прорыв, через неделю-другую отдадим тело барона в храм и признаем дело долгостроем. Нет, мне это тоже не нравится, – перехватил Эйзенхарт мой взгляд. – Но на мне висит еще шесть расследований, у остальных в отделе не меньше. И каждые сутки поступает по новому. Так что бароном мы заниматься будем, но... уже не так пристально. Надеюсь, вас не слишком разочаровала суровая полицейская реальность, Роберт?

Нет. После многих лет службы я представлял, как это происходит. Расследования, будь они в части или в городе, никогда не походили на яркие приключения из бульварных романов. Нудная, монотонная, но необходимая работа.

Ответить мне не дали. Влетевший в столовую Брэмли споткнулся у нашего стола, чудом удержал равновесие и вытянулся по стойке смирно.

– Что случилось? – флегматично поинтересовался Эйзенхарт, допивая чай.

– К вам пришла дама. Сказала, что дождется, и велела не беспокоить вас, но я подумал, вы захотите узнать...

В глазах Виктора на секунду мелькнуло непонятное мне чувство.

– Лидия?

– Нет, сэр. Я не спросил ее имени...

– Как она хотя бы выглядит?

Собравшись с мыслями, Брэмли выпалил:

– Словно ее сбила машина, сэр.

Мы с Эйзенхартом переглянулись. Удивленно вскинув бровь, он заметил:

– В таком случае не стоит заставлять ее ждать. Надеюсь, вы не обидитесь, Роберт, что мне опять придется прервать наш обед?

После кафе «Вест» это действительно становилось традицией.

– Я мог бы пойти с вами, – предложил я. – Если потребуется, я еще в состоянии оказать первую помощь.

Эйзенхарт странно посмотрел на меня. Да, раньше я не высказывал инициативы и не предлагал свою компанию. Но описание дамы пробудило любопытство.

Первым вошел Виктор, но тут же вернулся.

– Шон, хорошенько запомни эту леди, будь добр. И никогда не оставляй ее одну в моем кабинете. В крайнем случае можешь запереть в камере, это я прощу, – он распахнул дверь и посторонился, пропуская меня вперед. – Проходите, Роберт.

– Ну же, детектив, не будьте столь суровы! – донесся из комнаты насмешливый голос. – Доктор Альтманн, рада снова вас видеть!

Леди Эвелин устроилась за письменным столом и, когда мы зашли, промокала ссадины на ногах салфеткой. Увидев нас, леди Гринберг скомкала ее и неспешно опустила юбку, прикрывая колени.

За время нашего отсутствия беспорядка в кабинете прибавилось. На вешалку кто-то кинул пальто, находившееся в плачевном состоянии, на стол вывалили содержимое аптечки, лежавшие на полу документы какая-то добрая душа смела в угол, а на корзине для бумаг висели вконец испорченные чулки.

– Знаете, леди Гринберг, я предпочитаю видеть свой кабинет без разбросанного по нему нижнего белья, – пробормотал Эйзенхарт, со страдальческим видом разглядывая произошедшие с комнатой метаморфозы.

Леди усмехнулась.

– Я учту, – пообещала она.

– Что с вами случилось? Брэмли сказал, вы попали под машину?

– Скорее наоборот, – леди повернулась ко мне. – Вы как раз вовремя, доктор. Не могу понять, как накладывать повязку одной рукой, – она продемонстрировала расшибленный в кровь локоть. – Поможете?

Я собрал со стола бинты и попросил леди Гринберг пересесть к окну.

– Так что произошло? – повторил свой вопрос Виктор.

– Кажется, меня пытались убить, – легко призналась леди Эвелин. – А еще у меня украли обручальное кольцо, – добавила она и тут же дернулась. – Доктор, неужели нельзя обойтись без йода?

Я посмотрел на ее пальцы. Действительно, старинное кольцо, хищно сверкавшее гранями бриллиантов при нашей предыдущей встрече, исчезло.

– Нельзя, если не хотите получить заражение. – Я затянул повязку на ее руке и перешел к ногам. – Как вас так угораздило?

– Я бы тоже хотел это узнать, – согласился Эйзенхарт. – Подробнее.

Брэмли, несмотря на предупреждение начальника настроенный менее враждебно к посетительнице, принес той чашку чая.

– Не будет у меня заражения! – запротестовала леди, принимая ее. – И я сама не знаю, что произошло. Последнее, что помню, – я шла по улице, меня кто-то окликнул... После этого я очнулась в карете. Кроме меня, там никого не было, я дождалась подходящего момента и выскользнула из нее.

– На полном ходу? – спросил Эйзенхарт, намекая на ее вид.

– Мне следовало дождаться остановки? – парировала она. – Это была не больничная карета. И сомневаюсь, чтобы на козлах сидел какой-то милосердный незнакомец, решивший доставить меня к врачу.

– Но, скорее всего, так оно и было. А вы напридумывали себе страстей.

– А кольцо?

Эйзенхарт фыркнул.

– Потеряли. Забыли утром надеть. Специально сняли, чтобы добавить драмы.

– Почему, что бы я вам ни рассказала, вы никогда не встаете на мою сторону, детектив? – поинтересовалась задетая его недоверием леди Гринберг.

– Потому что вы слишком о многом умалчиваете в своих рассказах.

– Если вы хотели, чтобы люди открывали вам свои тайны, вам следовало выбрать другую профессию. Психолог, например, – едко заметила леди, убирая ступню с моего колена. – Хотите, поклянусь своей душой отныне и во веки веков отвечать вам, не обманывая и ничего не скрывая, на все вопросы, кроме одного? Нет, кроме двух. А вы в свою очередь пообещаете не вести себя со мной так, словно я ваш личный враг. Такой расклад вас устроит?

– Что за вопросы? – живо поинтересовался Эйзенхарт, на что леди Гринберг только рассмеялась.

– Нет, детектив, так мы не договаривались. Как только вы узнаете вопросы, вы поймете ответы. – Помрачнев, она добавила: – Но обещаю вам, они не связаны с убийством Ульриха.

Эйзенхарт задумался. Леди Эвелин дала ему время и подняла к губам чашку, но поморщилась и отставила ее на стол. Поскольку с перевязкой ног я к тому времени закончил, а к глубокому порезу на лбу леди запретила прикасаться, я обратил на это внимание.

– Все в порядке? – спросил я у нее. – С помощью кофе здесь можно выколачивать добросердечные признания у преступников, но чай вроде бы не так плох.

Леди улыбнулась.

– Все отлично. Просто... – она рассеянно провела пальцами по губам. – Да нет, ерунда.

Я взял ее за подбородок и присмотрелся.

– Виктор, – тихо позвал я Эйзенхарта, – взгляните.

Он подошел к нам.

– Похоже, это был не милосердный незнакомец. Видите ожоги?

Мгновенно посерьезнев, он кивнул:

– Хлороформ?

– Он самый.

– Это меняет дело. Я согласен на ваше предложение. Рассказывайте все, что помните, – велел детектив леди Гринберг.

– Я шла по Монетному переулку, когда меня окликнули... Будто я обронила перчатку или что-то в этом роде...

– Вы видели нападавшего?

Леди Эвелин покачала головой:

– Даже не успела обернуться.

– Голос был женским?

– Нет, – удивилась леди Гринберг, – мужской.

– Какие-нибудь отличительные черты? Акцент, что-то еще?

– Ничего.

– Ладно. Что было потом?

– Я пришла в себя в карете. В салоне никого не было, шторы задернули, поэтому я не видела, куда еду. Выскочила у Угольного, мне повезло, что там старая брусчатка. Шумно, трясет, он не заметил, как я открыла дверь, – леди дотронулась до забинтованного локтя, вспоминая произошедшее. – Оттуда переулками добежала до Диагонали и поймала извозчика, чтобы приехать сюда.

– Удивительное везение, – согласился Эйзенхарт. – Вы не рассмотрели, как выглядела карета, в которой вас везли?

– Обычный наемный экипаж. Черный. Ни герба, ни торгового знака. Возницу я рассмотреть не смогла, – в голосе леди Эвелин сквозило сожаление.

Эйзенхарт потер подбородок. Вернулся отходивший из кабинета Брэмли.

– Вечерняя почта, – он передал детективу стопку конвертов.

На некоторое время в кабинете воцарилось молчание. Эйзенхарт просматривал полученную корреспонденцию, отправляя письма одно за другим в корзину. Леди Эвелин, демонстрировавшая удивительное в свете произошедших событий спокойствие, закурила. А я попытался собрать мысли воедино: какая-то деталь не давала мне покоя. Я не слишком хорошо знал Гетценбург, но был готов поспорить, что...

– Угольный рынок находится недалеко от того берега, верно?

– В двух кварталах от Моста утопленников, если вы про это, – отозвался Эйзенхарт. Какое-то из писем привлекло его внимание.

– Вы думаете...

– Я знаю, – Эйзенхарт протянул его мне.

– Что там? – спросила до этого не проявлявшая большого интереса к нашему разговору леди Эвелин.

– Ваше признание. Вы убили барона Фрейбурга из ревности, – я пробежался глазами по строчкам. – И предсмертная записка, в которой говорится, что вы не способны вынести груз вины и решили оборвать свой жизненный путь там, где совершили преступление.

– Какая чепуха! – леди Гринберг отобрала у меня листок. – Будто кто-то в это поверит!

– Вообще-то написано неплохо, – заметил Эйзенхарт. – Хорошая речь, ни единой ошибки... Письмо отпечатано на машинке, установить авторство по почерку невозможно. Думаю, если бы вы сегодня не спаслись, у нас не было бы оснований сомневаться, кто написал это признание.

Девушка недовольно фыркнула.

– В таком случае я думала о вас лучше, чем вы заслуживаете. Как я могла напечатать это, – леди с брезгливым видом помахала письмом, – если у нас в доме одна пишущая машинка, и она в идеальном состоянии, а здесь половина букв выпадает из строки? Не говоря о том, что любой член моей семьи может подтвердить вам: текст абсурден.

– Вы о том, что, если бы убили беднягу, спокойно жили бы дальше?

– Точно не стала бы бросаться с моста. Одно не могу понять, – успокоившись, добавила леди Гринберг. – На что рассчитывал убийца? Если бы он просто утопил меня, меня могли вернуть с того света. Тогда вся инсценировка оказалась бы бесполезна.

– Только не Канарейка, – возразил Эйзенхарт, вскрывая последнее письмо. На конверте я успел разглядеть храмовую печать. – Элайза никогда не возвращает погибших. Тут он был в безопасности или, по крайней мере, считал так. Роберт, вы подозрительно притихли.

Я попытался вспомнить, что напоминало мне это признание. Озарение пришло, когда леди Эвелин упомянула выпадающие из строки буквы.

– У вас остался список похищенных со скотобойни предметов? Не переписанный вами. Оригинал.

Эйзенхарт внимательно посмотрел на меня:

– А ведь вы правы... – он оторыл среди бумаг нужную и вытянул руку. – Леди, верните письмо.

– Зачем вам?.. – она заглянула через плечо детектива и совершенно не подобающим леди образом присвистнула. – Они отпечатаны на одной машинке, верно?

Стоило совместить оба текста, и сомнений не осталось.

– Определенно, – я склонился над столом. – Если вы посмотрите на маленькую букву «н»... Или на букву «Г» здесь.

– Где вы это взяли?

– В Больших шлахтгаусах, – Эйзенхарт снова почесал колючий подбородок. – Интересно... Леди Гринберг, вы не согласитесь проехать с нами по одному адресу? После этого обещаю доставить вас домой.

Мы одновременно подняли на него глаза.

– По какому адресу?

Вопрос тоже прозвучал в унисон. Но если в моем тоне было больше настороженности, то в голосе леди Гринберг слышался азарт.

Детектив улыбнулся. Странно – криво и как-то печально.

– Узнаете.

Глава 12

Эйзенхарт

Машина доставила их в Гласис, недавно застроенный доходными домами район. За время пути на улице начало темнеть – сказывался поздний ноябрь – и дождь вновь забарабанил по крыше.

– Нам сюда, – запрокинув голову, Виктор посмотрел на горящие в сумерках окна. – Брэм, подождешь снаружи.

– Как вы собираетесь попасть внутрь? – поинтересовался у него кузен. – Вряд ли здесь есть портье.

Виктор лишь улыбнулся и продемонстрировал черный футляр с разнообразными крючками. Кажется, ему снова удалось шокировать беднягу Роберта. Зато Эвелин не преминула встать у него за спиной и сунуть любопытный нос в его работу.

– Разве полиции можно пользоваться отмычками?

– Нельзя, – легкомысленно признался он. – Но пока мы найдем владельца или управляющего, можем их упустить. Если вас спросят, – замок щелкнул, и он приоткрыл створку, – дверь была не заперта.

Длинный пустой холл производил мрачное впечатление. Света от единственной лампы, висевшей высоко под потолком, не хватало, и обе лестницы, парадная и черная, тонули в полумраке. Быстро прикинув диспозицию, Виктор попросил Эвелин подождать недалеко от черного входа.

– Отчего у меня ощущение, что вы хотите использовать меня вместо приманки? – задумчиво спросила та, закуривая очередную сигарету.

– Не знаю, – пожал Виктор плечами. – Мнительный характер?

Эвелин смирла его недовольным взглядом, и он едва удержался, чтобы не ухмыльнуться в ответ.

– Я спрошу иначе. Вы хотите использовать меня как приманку?

– Возможно. Надеюсь. Это что-то меняет?

Большинство его знакомых после подобного признания отказались бы. Вместо этого она качнула головой.

– Вы согласились довериться мне. Полагаю, будет честно, если я отвечу тем же. Удачи, детектив, – она шутливо отсалютовала ему. – Буду ждать вас на посту.

– Зовите, если увидите кого-нибудь, – Виктор вложил ей в ладонь полицейский свисток.

Они с Робертом поднялись по узкой винтовой лестнице на четвертый этаж и пошли по длинному коридору, сравнивая номера квартир с адресом, полученным от храма. Найдя нужную, Виктор постучал, и доносившиеся из-за двери голоса тут же стихли.

– Полиция! – крикнул он. – Откройте!

В квартире раздался грохот, словно упало что-то тяжелое, и голоса возобновились. Виктор вновь забарабанил по двери.

– Открывайте!

Дверь медленно отъехала в сторону, и они увидели молодую женщину на последних сроках беременности. Блондинка, симпатичная, но слишком тревожным был ее взгляд. Она стояла, опираясь на стену, и нервно теребила переброшенную через плечо косу.

– Что-то случилось?

– Мы полагаем, что в вашей квартире может скрываться преступник. Вы живете одна?

– Что? Я... Да, конечно...

Где-то недалеко хлопнула дверь. Женщина побелела и схватилась за косяк.

– Я должен проверить. Доктор, проследите за мадам, в ее положении нельзя волноваться.

Виктор ужом проскользнул мимо нее в квартиру. Беспорядок, полусобранные сумки. И, как он думал...

– Все в порядке, никого нет, – довольный, он вернулся в гостиную. – Я заметил, что вы забыли запереть дверь черного хода на кухне, и позволил себе сделать это за вас. Боюсь, мы живем не в те времена, когда можно оставлять двери нараспашку. Пообещайте, что не будете больше подвергать себя и ребенка опасности.

– Конечно... Спасибо... – женщине, казалось, было все равно, что ей говорили, в мыслях она была далеко отсюда.

– Позвольте представиться. Детектив Эйзенхарт, главное полицейское управление. Со мной доктор Альтманн, можете считать его нашим консультантом. А это, Роберт...

Он не договорил: за дверью раздался – и внезапно оборвался – женский крик, а следовавшую за ним тишину сменил звук выстрела. Женщина сдавленно ахнула и лишилась чувств.

– Как вовремя... – пробормотал Виктор, бросаясь к двери. – Не спускайте с нее глаз!

Перепрыгивая через ступеньку, он сбежал по крутой лестнице. Внизу Брэмли уже заламывал руки арестованному. Из раны на его плече, задетом по касательной пулей, сочилась кровь.

– Напал на леди и попытался ее задушить, – доложил Шон.

Как и ожидалось. Из вежливости Виктор обернулся к Эвелин.

– Я в порядке, – хрипло проговорила она. – Если только поможете мне подняться на ноги...

Виктор выполнил ее просьбу.

– Это тот человек, который напал на вас ранее?

Она дернула плечом.

– Не знаю, – слова все еще давались ей с трудом, дыхание шло с присвистом. – Но это определенно тот человек, который напал на меня сейчас.

Эвелин помассировала шею, на которой скоро должны были проступить синяки.

– Вы не отвезете меня домой, детектив? Думаю, двух нападений за один день будет достаточно.

Свою роль на сегодня она выполнила. Виктор поймал ей извозчика и вернулся в квартиру, где хозяйка все еще лежала без сознания на кушетке.

– Вы сумели поймать того, кого хотели? – спросил Роберт, считая у женщины пульс.

Виктор кивнул и пересказал ему случившееся.

– Значит, дело закрыто, мы можем уходить? – поинтересовался кузен после рассказа.

– Машина придет за нами минут через двадцать, не раньше. В этой я послал Брэмли и нашего злодея, – Виктор сунул руку в карман. Опять сигареты кончились, надо было у Эвелин попросить. – К тому же мы сделали только полдела.

Женщина тихо застонала.

– Вы уже приходите в себя, какая радость, – Эйзенхарт отнял у кузена стакан с водой и поднес ей.

– Вы его взяли? – слабым голосом спросила хозяйка.

– Да, мэм, и даже живьем. Вам не стоило так пугаться выстрела, – поспешил он ее успокоить. На лице женщины отразилось облегчение. – Насколько я помню, нас прервали, когда я собирался представить вас доктору, и теперь он изнемогает от любопытства. Доктор Альтманн, позвольте представить вам вдовствующую баронессу Мариетту Фрейбург, в девичестве Дэвидсен.

Женщина на кушетке подобралась.

– Судя по чемоданам, вы куда-то собирались? – спросил у нее Виктор.

Таинственная Мари, на чьи поиски он потратил столько времени, сглотнула и затравленно посмотрела на него.

– Газеты написали об убийстве мужа, и я решила уехать. Я испугалась: вдруг люди, убившие Ульриха, решат навредить и нам, – она дотронулась до своего живота.

– Не думаю, что в этом есть необходимость, – сообщил ей Эйзенхарт. – Ведь мы схватили убийцу. По крайней мере, одного из них.

Ее ресницы испуганно затрепетали.

– Думаете, у него был сообщник?

– Я уверен в этом, – заверил ее Виктор.

– Но это невозможно! – встрял в их разговор Роберт, молчавший с тех пор, как Виктор назвал имя женщины.

– Что именно? – уточнил Эйзенхарт.

– Вместе с телом вы прислали мне медицинскую карту барона. Незадолго до совершеннолетия барон переболел паротитом. Болезнь протекала тяжело, лихорадка длилась больше недели и была осложнена орхитом. После выздоровления домашний врач барона поставил диагноз, который не раз подтверждался другими специалистами. Барон не мог иметь детей.

Глаза Эйзенхарта весело блеснули:

– Разумеется. А иначе зачем, вы думаете, нужно было заставить барона жениться на мисс Дэвидсен сейчас, вместо того чтобы подождать окончания его договора с леди Гринберг? Зачем надо было его убивать? Сядьте! – бросил он леди Фрейбург, порывавшейся что-то сказать. – Так что вы думаете, доктор?

Ответ был очевиден. Даже если ребенок был не от барона, у Мариетты всегда оставался шанс его обмануть. Во множестве пар мужья воспитывают не своих детей и искренне верят, что цвет волос или глаз достался тем от бабушек и дедушек жены. Раз барон так желал ребенка, что поверил, будто случилось чудо и его любовница забеременела от него, он бы с легкостью повелся на эту уловку. Если только внешние отличия можно было объяснить таким образом...

– Кого вы арестовали? – задал Роберт правильный вопрос.

– Того, на кого вы подумали, – Эйзенхарт перевел взгляд на леди Фрейбург.

Смуглую кожу и темные глаза не объяснишь ни дедушками, ни даже вмешательством духов. Должно быть, они познакомились, когда Сэмюель развозил заказы. Может, встретились на кухне, где кухарка посадила привезшего мясо синдю выпить чаю. Все складывалось. Синду водил автомобиль, в котором можно незаметно перевезти тело. Не чурался мясницкой пилы. У него был доступ к кабинету управляющего и пишущей машинке, на которой отпечатали фальшивое признание Эвелин.

– Я не знаю, о ком вы говорите, – возразила Мариетта под его взглядом.

– Думаю, знаете. И догадываетесь, что я нашел в ванной комнате, пока осматривал квартиру.

Виктор протянул кузену завернутый в платок флакон темного аптекарского стекла.

– Не прочитаете, что на нем написано, доктор?

– Хлороформ.

Виктор кивнул.

– Моя сестра сейчас тоже ожидает ребенка. Первый триместр беременности был ужасен, и я ей горячо сочувствую, но благодаря нему я теперь знаю, что в последнее время хлороформ нередко назначают принимать внутрь при рвоте. Он сейчас, можно сказать, в моде. Вам ведь его тоже прописали от токсикоза? –

Вернув себе пузырек, Виктор тщательно проверил, насколько плотно тот закрыт, и положил его в карман. – У вас был мотив и была возможность, мисс Дэвидсен, – обратился он к обвиняемой. – Вас в любом случае будут судить, независимо от того, что вы скажете или не скажете. Но судьба вашего ребенка, как и судьба вашего сообщника, человека, которого вы любите, зависят от ваших дальнейших действий. Подумайте об этом по дороге в управление.

На самом деле Сэмюелю уже ничего не могло помочь. Но женщине об этом знать было не обязательно.

Глава 13

Эйзенхарт

В полицейской машине Роберт не проронил ни слова. Скупно попрощался и пропал до следующего обеда у Викторовой матушки. Но и там говорил с кем угодно и о чем угодно, но только не с Виктором. Виктор начал подозревать, что вспыхнувший было интерес погас и змей снова отстранится.

После обеда Виктор вышел на застекленную террасу, чтобы не расстраивать матушку, запретившую перед рождением внука прикасаться к сигаретам в доме. Роберт уже был там. Стоял у балюстрады и смотрел на темно-серую воду, когда Виктор начал разговор.

– Они во всем признались. Оба, – сообщил он, безрезультатно щелкая зажигалкой.

Каждый стремился взвалить вину на себя, чтобы хоть один из них остался в живых. И ни одного это не спасет. Виктор кинул бесполезную зажигалку в карман – надо будет по дороге в управление зайти заправить ее. Роберт протянул ему спички.

– Зачем вы мне это говорите?

– А вы не хотите узнать, чем все кончилось? Ладно, – Виктор улыбнулся. – Тогда сделайте вид, что мне нужно перед кем-то выговориться, а вы, как вежливый человек, не можете мне отказать.

Тем более это не было такой уж ложью. Он затянулся и начал рассказывать.

– Мариетта Дэвидсен, Этта, как ее все звали, приехала в Гетценбург из деревни. Ее выписала сюда миссис Симм, дружившая в молодости с ее покойной матерью. У Коппинга тогда как раз освободилось место горничной, и миссис Симм сказала, что у нее есть на примете замечательная девушка, способная продержаться в доме мистера Коппинга дольше двух недель. Так и оказалось. Этте нравилась работа в городе: она была неизмеримо легче жизни в деревне, характер хозяина ее не пугал, у ее отчима он был куда хуже. В один прекрасный момент она встретила Сэмюеля Брауна, который привозил на кухню мистера Коппинга мясо. Пока слуга ходил за деньгами, миссис Симм нередко поила парня чаем на кухне. Они начали встречаться, потом стали планировать свадьбу и совместную жизнь, Сэмюель рассказал, они даже нашли подходящую квартиру, оставалось только скопить денег на церемонию в храме. В конце концов, думаю, они бы поженились и жили долго и счастливо. Но не сложилось. Мистер Коппинг не особо замечал горничную, если только она не допускала ошибок. А вот его другу Этта сразу приглянулась. И если какое-то время ей удавалось избегать барона, то около восьми месяцев назад ее везение закончилось.

Руки в перчатках сжали кованую балюстраду.

– Он изнасиловал ее.

– Нет. Возможно, это назвали бы изнасилованием, если бы Этта была его круга, а не прислужой. А так барон просто удовлетворил свои потребности, – Виктор горько усмехнулся.

Сколько раз он это видел? Слишком много.

– Это отвратительно.

– Это жизнь, – Виктор приоткрыл окно и бросил окурок в реку. На террасу влетел порывистый зимний ветер, заставляя поежиться от холода. – Я не смог узнать, кому из них пришла в голову идея отомстить барону. Каждый забирает

авторство себе, выгораживая другого. В любом случае, когда Этта узнала, что ожидает ребенка, они поняли, как им следует поступить.

Барон воспитывался матерью, женщиной суровой и придерживающейся старомодных взглядов. По ее мнению, главная ценность Ульриха была в его наследниках, и она тщательно привила барону эту точку зрения. Когда волею Судьбы барон стал бесплоден, он оказался совершенно бесполезен. Это стало для него достаточно тяжелым ударом, но вдобавок его мать, по которой случившееся ударило не меньше, замкнулась в себе, удалилась в поместье и не принимала его у себя. Она отказалась от него, и это ранило барона еще больше. Вы говорили, я зря думаю, будто у каждого отклонения от нормы есть причина. Не согласен. Я считаю, что мы, вырастая в обществе, впитываем его правила. И отказ от этих правил всегда следствие трагедии, заставляющей нас верить, будто мы более не подходим для общества. Случай барона такой же. Усвоенные с детства нормы внушили ему мысль о его никчемности, ненужности, и он начал действовать соответственно. Мистер Коппинг никогда в достаточной мере не интересовался своим другом, поэтому не понял причины произошедших с ним перемен. Этта оказалась куда прозорливее. Когда она пришла к барону и сообщила о своем положении, тот был рад убедить себя, что она говорит правду. Любой больной хоть раз, но мечтал о том, что доктор ошибся. Фрейбург был так счастлив стать, как он думал, отцом, что был готов жениться на матери своего ребенка, пусть она и была простой служанкой. Но сперва требовалось исправить ошибки. На Фрейбурге висело столько долгов, что он не мог позволить себе даже оплатить свадебную церемонию. А ведь он должен был в будущем обеспечивать семью. Леди Гринберг попалась ему как нельзя кстати. Выплачиваемых ею денег хватало на аренду квартиры для Мариетты и ребенка, их содержание и оплату долгов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Т. н. холостяцкое жилье; квартира-студия, иногда без своей ванной комнаты (фр.).

2

От нем. Geist; в данном случае – крепкий спиртной напиток на основе ягод.

3

Дословно «ужасный ребенок»; в т. ч. человек, смущающий других бестактным или провокационным поведением (фр.).

4

Раздел светской хроники в местной газете, освещающий самые громкие скандалы гетценбургского света.

5

Особое условие.

6

В странах, где помолвка считалась имевшим юридическую силу договором, – компенсация за отказ жениться.

7

В данном случае – вежливое обращение к любому жрецу.

8

Длительный отпуск. Также может означать год перед поступлением в высшее учебное заведение либо между выпуском из высшего учебного заведения и поступлением на работу, в том числе потраченный на путешествия с целью получения нового опыта и знакомства с другими культурами.

9

Господин.

10

Куп, медяк – сленговое название полицейского в Лемман-Клив.

Купить: https://tellnovel.com/dorn_alisa/syschik-i-kanareyka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)